G4 01/56

Б 4 01/56

А. Л. Бертье-Делагардъ.

Дар 2502
27 ав. 1910

КАКЪ ВЛАДИМИРЪ ОСАЖДАЛЪ КОРСУНЬ.

ИМПЕРАТОРСКІЙ
РОССІЙСКІЙ
ИСТОРИЧЕСКІЙ
МУЗЕЙ.

3697/13

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 линія, № 12.
1909.

А. Л. Бертье-Делагардъ.

8 4 01
56

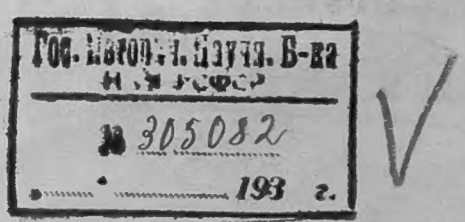
КАКЪ ВЛАДИМИРЪ ОСАЖДАЛЪ КОРСУНЬ.

ИМПЕРАТОРСКІЙ
РОССІЙСКІЙ
ИСТОРИЧЕСКІЙ
МУЗЕЙ.
3697
13

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 линія, № 12.
1909.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Ноябрь 1909 г.

За Непремѣннаго Секретаря, Академикъ Князь *Б. Голицынъ*.



Отдѣльный оттискъ изъ Извѣстій Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, тома XIV (1909 г.), кн. 1.

Какъ Владиміръ осаждалъ Корсунь.

Крещеніе Руси, начально или послѣдовательно, находится въ прямой связи съ Корсунемъ, а чрезвычайная важность этого событія опредѣляетъ особую къ нему внимательность нашихъ историковъ, непренебрегавшихъ въ этомъ вопросѣ самыми мелкими объясненіями. Наиболѣе существенною частью во всемъ этомъ было взятіе самого Корсуня, а потому начальная лѣтопись и украсила его описаніе разными обстоятельствами, правильное объясненіе и пониманіе которыхъ имѣетъ значеніе во многихъ отношеніяхъ. Мелкія подробности осады и взятія города издавна объяснялись многоразлично, а въ послѣднее время онѣ, вмѣстѣ со всею легендой о крещеніи Руси, подверглись всесторонне му разсмотрѣнію академика А. А. Шахматова[1]) и, отчасти, г. Шестакова[2]). Новый сводъ Корсунской легенды академика Шахматова, по этому вопросу, въ значительной мѣрѣ основанъ на особомъ пониманіи подробностей осады Корсуня. Однако, эту осаду ни старыя, ни новыя толкованія не обставили вполнѣ ясно. Они не согласованы съ военнымъ существомъ дѣла и съ мѣстными особенностями, наглядно представляющимися изъ разсмотрѣнія топографическихъ условій самой мѣстности вокругъ Корсуня и данныхъ отъ раскопокъ на развалинахъ этого города. Мнѣ уже приходилось касаться этого вопроса, но лишь случайно и косвенно поэтому самому не-

1) *Корсунская легенда о крещеніи Владимира* [отд. отт. изъ сборника ст. въ честь В. П. Ламанскаго]; *СПб.* 1896.

2) *Памятники христіанскаго Херсонеса*, вып. III, *Очерки по исторіи Херсонеса въ VI—X вѣкахъ по Р. Х.*, *Москва*, 1908.

достаточно наглядно и опредѣленно[1]) и я думаю, что теперь не безполезно будетъ пересмотрѣть весь этотъ вопросъ вновь, подробнѣе и послѣдовательнѣе. Такой пересмотръ можетъ дать мѣру военнаго искусства древней Руси во времена Владимира, онъ же покажетъ насколько допустимы тѣ пониманія лѣтописей, которыя основаны на толкованіи событій самой осады города.

У насъ были историки, полагавшіе, что весь лѣтописный разсказъ о взятіи Корсуня есть чисто пѣсенный вымыселъ. Едва ли теперь возможно удержаться на такомъ крайнемъ положеніи, хотя бы уже потому, что самое взятіе Корсуня и вслѣдъ за тѣмъ женитьба Владимира на сестрѣ царей Византіи не подлежатъ сомнѣнію. Скорѣе, казалось бы, можно допустить вымыселъ мелкихъ подробностей лѣтописной осады, а потому и отбросить ихъ, какъ то дѣлаютъ новѣйшія изслѣдованія. Знающіе мѣстныя условія, конечно, никогда не согласятся и съ такимъ рѣшеніемъ, потому что въ этихъ подробностяхъ указаны черты столь сходныя съ тѣмъ, что могло быть въ Корсунѣ, съ его мѣстностью, его моремъ, его стѣнами, что неизбѣжно приходится видѣть въ нихъ сказанное и сдѣланное лицами, бывшими на мѣстѣ и превосходно освѣдомленными со всѣми сторонами этого вопроса. Не могла же осада произойти безъ какихъ либо частныхъ событій, такъ или иначе вліявшихъ на сдачу города, способствовавшихъ его покоренію, и я попробую показать, что о ней обычные разсказы «Начальной Лѣтописи» или «Житія Влад. особ сост.», во всѣхъ мелкихъ подробностяхъ, вполнѣ ясны и точны, не заключая никакого противорѣчія ни въ самихъ себѣ, ни съ внѣшними условіями, слѣдовательно на ихъ основѣ можно сдѣлать описаніе осады города. Возможно предположить, что здѣсь, выдумывая, старались о точномъ правдоподобіи, но къ чему прибѣгать къ столь сложному пріему когда хорошо была извѣстна и подлинная правда.

«Повѣсть Вр. Лѣтъ» такъ выражается объ осадѣ Корсуня[2]): «Въ лѣто 6496, иде Володимеръ съ вои на Корсунь градъ Греческій, и затвори-

---

1) *Раскопки Херсонеса, СПб.*, 1893, *стр.* 14, *примѣч.; О Херсонесѣ, СПб.*, 1907, *стр.* 116, *Извѣст. Арх. Ком., 21 вып.*

2) Лаврентьевская, подъ 6496 г.

шеся Корсуняне въ градѣ; и ста Володимеръ объ онъ полъ города в лимени, дали града стрѣлище едино, и боряхуся крѣпко изъ града, Володимеръ же обьстоя градъ. Изнемогаху въ градѣ людье, и рече Володимеръ къ гражаномъ: «аще ся не вдасте, имамъ стояти и за 3 лѣта». Они же не послушаша того. Володимеръ же изряди воа своа, и повелѣ присну сыпати къ граду. Симъ же спущимъ, Корсуняне, подъкопавше стѣну градьскую, крадуще сыплемую персть и ношаху к собѣ въ градъ, сыплюще посредѣ града; воини же присыпаху боле, а Володимеръ стояше. И се мужъ Корсунянинъ стрѣли, именемъ Настасъ, написавъ сице на стрѣлѣ: «кладязи, яже суть за тобою отъ въстока, ис того вода идетъ по трубѣ, копавъ переими». Володимеръ же се слышавъ, возрѣвъ на небо, рече: «аще се ся сбудетъ, и самъ ся крещю». И ту абье повелѣ копати прекі трубамъ, и преяша воду; людье изнемогоша водною жажею и предашася».

Этотъ подробный разсказъ надобно раздѣлить на нѣсколько моментовъ, для болѣе удобнаго разбора и сравненія. Мы видимъ, что здѣсь указаны: 1) Походъ; 2) Станъ въ заливѣ [лимени], близъ города; 3) Обстояніе [обложеніе] города съ суши; 4) Угрозы; 5) Активныя дѣйствія осаждающаго въ видѣ какихъ то земляныхъ работъ и безуспѣшность ихъ; 6) Сообщеніе стрѣлой о водопроводѣ, перенятіе воды и сдача города отъ жажды.

Въ изслѣдованіи Корсунской легенды академикъ А. А. Шахматовъ полагаетъ, что многія подробности осады, показанныя въ «Нач. Лѣт.», невѣрны и должны быть иначе изложены, по «Жит. ос. сост.» А именно соотвѣтствующее мѣсто такъ читается: [1]).

«Кънязь же Владимиръ въбързе събра воя своя, Варягы и Словены и Кривичи и Българы Чьрныя и иде на Корсоунь, градъ Гречьскыи, и затворишася Корсоуняне въ Градѣ. И ста Владимиръ объ онъ полъ града въ лимени, въдале града стрѣлище едино. И боряхоуся крѣпъко граждане. И рече Владимиръ къ гражданомъ: аще ся не въдасте, имамъ стояти сьде за три лѣта. Они же не послоушаша того. И стояше Владимиръ 6 мѣсяць, и не истомишася гладъмъ Корсоуняне. Бѣ же въ Коурсуни моужь

1) Шахматова, *ор. с.*, 110.

Варяжанинъ, именьмъ Жьдьбернъ. Сии же стрѣли въ пълкъ къ Варягомъ и рече: донесети стрѣлоу сию кънязю Владимироу. Напьса же сице на стрѣлѣ: къняже Владимире, пріятель твои Жьдьбернъ великоу сѧгоу имѣетъ къ тебѣ, нъ о семь ти извѣщаю: аще стоиши ты съ силою подъ градъмъ годъ или дъва или три, не имаше гладъмъ истомити Корсоуня; корабленици бо приходятъ поутьмь земляным съ питиемь и съ кърмъмь въ градъ, есть же поуть тъи оу твоего вопньства отъ востока. Кънязь же Владимиръ, оувѣдавъ поуть Варяжанинъмъ, абие повелѣ и прекопати. И люди изнемогоша гладъмъ и водьною жаждею и по трѣхъ мѣсяцихъ предашася».

Разлагая и этотъ разсказъ на моменты согласно объясненій г. Шахматова [подчеркиваю не сходные съ первымъ изложеніемъ], мы получимъ: 1) Походъ; 2) Станъ въ заливѣ близъ города; 3) *Блокада только съ моря*; 4) *Стояніе 6 мѣсяцевъ*, угрозы; 5) Сообщеніе стрѣлой *о провозѣ корма, перекапываніе пути*; 6) Сдача города отъ *голода* и жажды.

Между первымъ и вторымъ изложеніемъ усматриваются существенныя различія, слѣдовательно недостаточно только объяснить лѣтописныя показанія, приходится еще и сдѣлать выборъ между ними; поэтому всего лучше будетъ разсмотрѣть ихъ по порядку, сразу оба изложенія, въ логической ихъ послѣдовательности, сравнивая и вмѣстѣ съ тѣмъ давая и поясненія общаго свойства.

1) *Походъ*. Въ лѣтописныхъ показаніяхъ нигдѣ не говорится прямо былъ ли походъ Владимира подъ Корсунь сухопутный или морской. Извѣстны набѣги Руссовъ на берега Чернаго моря и прочное, давнее торговое движеніе изъ Кіева въ Царьградъ и обратно, по Днѣпру и морю, при чемъ самый этотъ путь носилъ особое названіе «Греческаго» [1]). Съ другой стороны, какого либо сухопутнаго похода въ Тавриду мы не знаемъ и тягости его, для большой дружины, должны были быть чрезвычайны, по трудной проходимости степей съ враждебными кочевниками. Косвенно и вышеприведенныя слова «Нач. Лѣт.» тоже указываютъ на походъ моремъ; тамъ говорится: «ста объ онъ полъ града въ лимени», т. е. въ заливѣ, въ гавани. Отсюда еще Карамзинъ заключалъ о мор-

1) Ипатская, *подъ* 6678 г.

скомъ походѣ [1]). Однако, само по себѣ указаніе лимана не рѣшаетъ дѣло, такъ какъ можно стать въ заливѣ прійдя туда и сухимъ путемъ, но въ такомъ случаѣ совсѣмъ невозможно объяснить, какъ могла эта стоянка быть названной лежащей «объ онъ полъ града», т. е. по ту сторону города. Такое обозначеніе положенія залива, по мѣстнымъ условіямъ, понятно только примѣнительно къ направленію морского подхода къ городу съ сѣвера, какъ пояснится далѣе. Такимъ образомъ, можно съ увѣренностью сказать, что походъ былъ морской.

Не невозможно предполагать, что подобные походы въ Тавриду шли черезъ Азовское море [2]), но, вообще говоря, этотъ путь слишкомъ кружнъ и едва ли даже осуществимъ для сколько нибудь значительныхъ дружинъ, по крайней мѣрѣ во времена Боплана казаки этимъ путемъ ходили рѣдко и то малымъ числомъ лодокъ, конечно, меньшихъ размѣровъ, чѣмъ обычные ихъ челны [3]).

Дѣлались предположенія о походѣ подъ Корсунь изъ Тмутаракани, но кромѣ физической возможности на то нѣтъ какихъ либо указаній. Это соображеніе вынуждалось необходимостью чрезвычайно ускорить осаду Корсуня для согласованія ее съ иными предположеніями, въ чемъ мнѣ надобности не видится. Не имѣя указаній на пребываніе Владимира когда либо въ Тмутаракани, не полагаю возможнымъ думать, что онъ ушелъ такъ далеко отъ всѣхъ своихъ силъ и средствъ именно въ самую горячую пору переговоровъ съ царями, посылки имъ вспомогательныхъ отрядовъ и неизвѣстности чѣмъ все это кончится. Такое удаленіе тѣмъ болѣе невѣроятно, что для бытія въ Тмутаракани весной надо было уйти изъ Кіева еще лѣтомъ предыдущаго года.

Бурачковъ думалъ о походѣ Владимира подъ Корсунь сухопутьемъ, отъ Днѣпра, т. е. его низовьевъ, не высказываясь точнѣе и опредѣленнѣе [4]). Это предположеніе, однако, ничѣмъ не было доказано. Спуститься

---

1) Карамзинъ, *Ист. Гос. Рос.*, I, *гл.* IX, *примѣч. 449.*

2) Брунъ, *Смѣды древн. рѣчн. пути изъ Днѣпра въ Азовское море, Черноморье*, I; 98; Барсовъ, *Очерки истор. географ., 2-е изд.*, 21.

3) Beauplan, *Description d'Ukraine*, 1660, 60; также замѣчанія Бурачкова въ *«Зам. по древн. геогр., Геогр. Извѣст.*, XI, 318.

4) Бурачковъ, *О зап. Готскаго топарха, Ж. Мин. Нар. Пр.*, 1877, *іюль*, 226.

въ низовья Днѣпра на лодьяхъ, преодолѣвъ всѣ трудности пороговъ, а за тѣмъ бросить столь удобный и налаженный водный способъ, пойти сухопутьемъ, по пустыннымъ частью даже безводнымъ мѣстамъ сѣверной Тавриды и къ ней прилегающихъ степей, дѣло едва ли вѣроятное.

Изъ сказаннаго заключаю, что походъ Владимира былъ не только морской, но и шелъ именно по Днѣпру, обычнымъ Греческимъ путемъ, а затѣмъ вдоль береговъ Тавриды.

Сила дружины Владимира въ этомъ походѣ ни въ какомъ источникѣ не показана; приходится опредѣлять ее и число судовъ лишь по догадкѣ. Ранѣе бывшіе походы въ Царьградъ не могутъ служить образцами, тѣмъ болѣе, что указанія числа судовъ и воевъ Олега, Игоря или Святослава, крайне преувеличены [1]); во всякомъ случаѣ, вести большую рать только на такой далеко заброшенный, оторванный отъ всякой возможной помощи, предоставленный однимъ своимъ силамъ и хорошо извѣстный городъ, какъ Корсунь, не было повода, если даже и была возможность. Мнѣ кажется, что число воевъ Владимира въ устьяхъ Днѣпра было не болѣе шести-восьми тысячъ и эти силы получаются изъ соображеній приводимыхъ далѣе. Брать подъ Корсунь даже и такую рать не было ни малѣйшей военной надобности, а между тѣмъ содержать ее въ столь мало плодородномъ мѣстѣ, какъ окрестности Корсуня трудно, чего не могъ не знать Владиміръ. Я думаю, что подъ Корсунь пошло не болѣе пяти-шести тысячъ, на полуторастахъ-двухстахъ лодьяхъ. Съ такими же или немного бо́льшими силами [200—360 лодей, что точно извѣстно ибо показано и Греками, всячески такія свѣдѣнія преувеличивавшими] Аскольдъ и Диръ были подъ Царьградомъ, ворвались въ Золотой Рогъ и обложили городъ [2]). Небольшой Корсунь, судя по его площади и постройкамъ, въ ту пору не могъ имѣть болѣе десяти тысячъ жителей, всего [3]), слѣдовательно для него и такія силы Владимира были слишкомъ велики, но онѣ и собраны были не для Корсуня.

---

1) Даже и въ походѣ Олега едва ли были болѣе десяти тысячъ; см. Ламанскій, *Славянское жит. св. Кирила, Ж. Мин. Нар. Пр.*, 1904, *январь*, 142—143.

2) Лаврентьевская, *подъ* 6374 и 6479; Лопаревъ, *Свид. о полож. ризы Богор., Виз. Врем.*, II, 614—619.

3) Болѣе подробно «*Раскопки Херс.*», 10, *прим.* 5.

Морскую силу Владимира составляли самыя простыя и грубыя лодьи; ихъ улучшенныя послѣдованія были челны казаковъ, описаніе и рисунокъ которыхъ показаны Бопланомъ [1]). Казачьи челны были длиной 60, шириной 10—12, полной глубиной 12 футовъ. Въ каждомъ такомъ челнѣ находилось 50 — 70 человѣкъ, съ вооруженіемъ, маленькими пушками [фалконетами] и припасами. На лодьяхъ Руссовъ людей было менѣе, не болѣе 40 человѣкъ на каждой [2]), а слѣдовательно самыя лодьи были меньшаго размѣра, какъ и должно быть, потому что на нихъ приходилось спускаться по всѣмъ порогамъ и, частью, тащить ихъ волокомъ, чего не дѣлали казаки съ челнами, начиная плаваніе ниже пороговъ.

Не безъ значенія и время года въ которое начался походъ. Военный историкъ кн. Голицынъ полагалъ, что Владиміръ былъ подъ Корсунемъ въ концѣ апрѣля, но это предположеніе невѣроятно [3]). Уже и въ древности Вегецій [конецъ IV вѣка] для крѣпкихъ, большихъ военныхъ судовъ, указывалъ, даже въ мягкомъ Средиземномъ морѣ, что вѣрное плаваніе возможно только съ половины мая до начала сентября [4]). По исконному правилу, доставшемуся отъ византійцевъ, конечно, а тѣмъ отъ еще болѣе древнихъ временъ, на Черномъ морѣ суда слѣдовали подобному же условію, не выходили изъ портовъ ранѣе дня св. Георгія, т. е. 23-го апрѣля [5]), но и это условіе касается крѣпкихъ, настоящихъ морскихъ судовъ, а не самодѣльныхъ, рѣчной постройки лодей и челновъ. Для послѣднихъ казаки держались правила выходить послѣ начала іюня [6]). Что близко того же правила держались и Варяго-Руссы, видно изъ по-

---

1) Beauplan, *op. c.*, 55, 58.

2) Ипатская, *подъ* 6415 г. Въ переговорахъ Олега съ греками, показанное число не только кораблей, но и воиновъ въ нихъ, конечно преувеличено. У Норманновъ тоже бывало, вообще говоря, не болѣе 40 человѣкъ на судно, кромѣ рѣдкихъ исключеній.

3) Голицынъ, *Рѣчн. и морск. походъ Влад., Рус. Стар.* 1889, октябрь, 187.

4) *Instit. rei milit.*, l. v., *cap.* IX.

5) Chardin, *Voyage en Perse, éd.* 1811, I, 121; Подробнѣе д. Асколи, *Опис. Черн. моря, примѣч. 14, Зап. Од. Общ. Ист. и Др.*, XXIV.

6) Beauplan, *op. c.* 58. «après la S. Jean», т. е. 24 іюня по новому стилю, 14-му, нашего.

хода Аскольда и Дира, подступившихъ въ 860 году къ Царьграду 18-го іюня [1]). Игорь также былъ у этого города 11 іюня, въ 941 г. [2]). Изъ устьевъ Днѣпра они, стало быть, выходили около половины іюня, такъ какъ на переходъ по морю, въ удобное время довольно двухъ-трехъ дней [3]). Все это имѣетъ глубокое основаніе въ свойствахъ Чернаго моря, гдѣ даже въ маѣ погоды еще не очень надежны, особенно для такихъ невѣжественныхъ рѣчныхъ посудинъ, какъ лодьи кіевлянъ или челны казаковъ. Думаю, что снарядить все въ Кіевѣ, на пути по нѣсколько разъ перегружаться, перетаскиваться въ порогахъ, собраться въ устьѣ Днѣпра, тамъ вновь переснарядиться, вычиниться, пополнить снабженіе, устроить больныхъ, занимало очень много времени, едва ли менѣе, чѣмъ до конца мая. Допустимъ, что въ море могли выйти нѣсколько ранѣе, потому что шли на Корсунь подъ берегами, но все же не могли къ нему подойти прежде начала іюня. Немногимъ ранѣе можно предположить начало осады, если допустить походъ не изъ Кіева, а изъ Тмутаракани [4]): выходъ въ море и прибытіе въ Корсунь не скорѣе конца мая. Впрочемъ, есть вѣроятіе, что, по инымъ, особымъ причинамъ, о чемъ далѣе, осада началась гораздо позже, въ концѣ лѣта.

2) *Станъ дружины въ лиманѣ близъ города.* Этотъ моментъ похода опредѣляется лѣтописью весьма кратко: «и ста Володимеръ объ онъ полъ града в лимени, дали града стрѣлище едино», но выдумать столь подробное и точное топографическое показаніе невозможно. Толковали это реченіе различно, но если обратить вниманіе на топографическія особенности Корсуня и морскихъ береговъ вокругъ него, то это показаніе окажется какъ нельзя болѣе точнымъ и понятнымъ. Для лучшаго пониманія

---

1) Ламанскій. *Жит. св. Кирила, Ж. М. Нар. Пр.*, 1903, *декабрь*, 392. Лопаревъ, *Свидѣт. о Полож. ризы Богородицы, Виз. Врем.*, II, 582, 623; Васильевскій, *Годъ перваго нашеств. русскихъ на Конст., Виз. Врем.*, I, 258.

2) Веселовскійй, *Видѣніе Василія Нов., Ж. Мин. Нар. Пр.*, 1889, *январь*, 80; По *Воскрес. списку*, 10-го іюня были у береговъ Виѳиніи.

3) Казаки, въ выбранное ими время, изъ устьевъ Днѣпра доходили до береговъ Анатолія въ 36—40 часовъ. Beauplan, *op. c.*, 58.

4) Соболевскій, *Въ какомъ году крестился св. Владимиръ, Ж. Мин. Нар. Пр.*, 1888, *іюнь*, 401 *примѣч.*

этого основного вопроса описанія осады города, прилагаю не большую карту, съ современными названіями ближайшихъ прибрежій вокругъ Корсуня.

Флотъ Владимира, держась береговъ Тавриды, идя кратчайшимъ путемъ, могъ подходить къ Корсуню только въ направленіи прямо съ сѣвера на югъ, какъ показываетъ линія точками на картѣ. На виду Корсуня онъ былъ въ точкѣ А той же линіи, а для того чтобы въ отношеніи своего направленія оказаться «объ онъ полъ града», т. е. по ту сторону города, онъ долженъ былъ войти въ гавань, въ заливъ, въ лиманъ Корсуня, въ нынѣшнюю Карантинную бухту, пройти мимо города и стать въ глубинѣ бухты въ Д—Д карты; только здѣсь онъ былъ *по ту сторону города* и никакого иного рѣшенія нельзя придумать.

Въ этихъ словахъ полагали видѣть указаніе пристани съ западной стороны города, въ Кругломъ заливѣ [т. е. вѣроятно въ Херсонесскомъ][1]). На картѣ легко усмотрѣть, что подлинный Круглый заливъ лежитъ отъ города далеко къ западу, а Херсонесскій [Круглый авторовъ], хотя и прилегаетъ къ городу, но въ направленіи пути отъ Кіева лежитъ въ сторонѣ отъ города, а не по ту сторону его; къ тому же этотъ заливъ совершенно негоденъ для стоянки судовъ по своей полной открытости, ничтожной величинѣ и мелководью; заливомъ это мѣсто величаетъ лишь щепетильность современныхъ картъ, въ дѣйствительности же это ничтожная выщербина берега. Вся эта бухточка находится подъ выстрѣлами и на виду съ городскихъ стѣнъ; даже очень малому флоту тутъ совсѣмъ не помѣститься. Осаждающимъ требовался заливъ хорошо укрытый, достаточно большой и лежащій у самого города; этимъ условіямъ удовлетворяла вполнѣ та самая бухта, которая служила портомъ, лиманомъ городу [нынѣ Карантинная]. Въ ея верховьи и по берегамъ, внѣ выстрѣла, даже изъ тяжелыхъ тогдашнихъ камнеметовъ, легко помѣщается, только въ одинъ рядъ, болѣе двухсотъ лодей, а если поставить ихъ въ нѣсколько рядовъ и часть вытащить на берегъ, какъ то всегда и дѣлалось, то помѣстится и въ десятеро больше. Стоянка здѣсь безусловно

1) Голубинскій, *Истор. русской церкви, 2-е изданіе*, I, 227, *примѣч.*; Шестаковъ, *ор. с.*, 88.

тишайшая, при какихъ бы то ни было погодахъ; мало того, съ точки зрѣнія чисто осадной, она и весь станъ вокругъ были за горой, внѣ какого либо наблюденія изъ города, а стоило пройти двѣсти-триста шаговъ, какъ съ командующихъ высотъ Z—Z′ открывался весь городъ, даже его внутренность, какъ на ладони. Тутъ же, къ этой же бухтѣ прилегала и наиболѣе уязвимая часть укрѣпленій Корсуня [1]). Наконецъ, тоже верховье бухты обладало рѣдкимъ въ мѣстномъ смыслѣ, неоцѣнимымъ, важнѣйшимъ условіемъ жизни—изобиліемъ прѣсной воды въ нѣсколькихъ колодцахъ, на самомъ берегу бухты [2]). Понятно почему Владимиръ рѣшился захватить этотъ портъ города и тамъ основаться для осады; онъ или его совѣтники не могли не сознавать всѣхъ чрезвычайныхъ выгодъ этого. Замѣчу еще что на этихъ прибрежьяхъ лѣтомъ, днемъ, дуетъ ежедневно, правильный, свѣжій бризъ отъ сѣверо-запада, попутный для входа во всѣ бухты и въ былыя времена паруснаго флота это составляло одно изъ особо важныхъ достоинствъ Севастополя; этотъ же бризъ былъ, какъ нельзя болѣе на руку и Владимиру.

Мнѣ думается, что зрѣлище было истинно грозное, когда стая лодей, окрыленныхъ парусами, при свѣжемъ попутномъ вѣтрѣ, ударивъ въ весла для ускоренія хода, влетала въ вражій портъ, съ крикомъ и звономъ оружія наполняющихъ ихъ воиновъ. Понятенъ ужасъ гражданъ.

Однако само это предпріятіе, блестящее въ военномъ смыслѣ, отважное до дерзости, не было опасно. Входящія лодьи, придерживавшіяся противоположнаго городу берега залива, могли поражаться съ городскихъ стѣнъ только на очень маломъ протяженіи ихъ пробѣга B—C, да и то

---

1) Относительное военное значеніе частей ограды Корсуня, подробно разсмотрѣно въ ст. «*О Херсонесѣ*», въ *Извѣст. Имп. Арх. Ком.*, XXI, 123—126 и другія. Тамъ же приложенъ и большой планъ съ горизонталями, табл. II. Командующая высота на немъ обозначена буквой Z; ближайшія къ стану и слабѣйшія части ограды помѣчены башни XVII и XVIII и куртина 20. На приложенной выше карточкѣ горизонтали высотъ не показаны, чтобы не пестрить ее, но расположеніе высотъ командующихъ городомъ и закрывающихъ отъ него станъ показано линіей Z—Z′. Наиболѣе доступныя башни и куртина обозначены тѣми же номерами, башни XVII и XVIII, куртина 20.

2) Недавними раскопками открыты превосходные древніе колодцы въ этомъ мѣстѣ, кромѣ издавна извѣстныхъ.

выстрѣлами на излетѣ, далѣе двухсотъ шаговъ, всего въ теченіе двухъ-трехъ минутъ каждая. И если пораженные неожиданностью граждане догадались и успѣли пустить нѣсколько стрѣлъ, то и на лодьяхъ, конечно, выставили щиты съ городской стороны, чтобы укрыться даже и отъ случайнаго попаданія. Какъ бы то ни было, такой подвигъ обнаруживаетъ незаурядныя военныя способности вождя и воиновъ, указывая на очень умѣлую развѣдочную службу, такъ какъ задуманъ и исполненъ онъ могъ быть только съ превосходнымъ знаніемъ мѣстныхъ условій, для чего, вѣроятно, были собраны, распрошены и взяты съ собой торговые гости, бывалые воины, простые перебѣжчики.

Значеніе только что описаннаго предпріятія хорошо понималъ и источникъ лѣтописца, прибавившій, что въ лиманѣ Владиміръ сталъ «дали града стрѣлище едино», «или мало вяще», какъ поясняетъ другая лѣтопись [1]), т. е. внѣ выстрѣла. Само собою разумѣется, что всякій станъ располагается внѣ выстрѣла, это такъ понятно и естественно, что объ этомъ никогда и не говорятъ, здѣсь же это упомянуто только въ виду особенностей мѣстной обстановки. Лѣтописецъ указываетъ, что лодьи влетѣли въ чужой лиманъ, такъ сказать во вражью пасть, вотъ почему онъ и нашелъ надобнымъ прибавить коротенькое замѣчаніе показывающее, что это было не столь уже страшно, потому что въ глубинѣ лимана имѣлось укрытое и безопасное отъ выстрѣловъ мѣсто. Нѣтъ ни надобности, ни возможности усматривать въ этомъ совершенно естественномъ, необходимомъ и понятномъ само по себѣ, чисто военномъ замѣчаніи, съ чрезвычайно тонкимъ и мѣткимъ пониманіемъ исключительности мѣстныхъ особенностей, какой либо вымыселъ книжника старающагося приспособить расположеніе стана Владимира къ послѣдующей выдумкѣ выстрѣла Анастаса [2]).

---

1) Никоновская, изд. 1767, подъ 6496 год.

2) Сравн. Шестаковъ, *op. c.*, 126. Мнѣ кажется пригоднымъ прибавить здѣсь нѣсколько словъ неимѣющихъ прямого отношенія къ осадѣ. Станъ Владимира расположился вокругъ недавно открытаго крестообразнаго храма [на карточкѣ E], который и былъ вѣроятно разграбленъ или даже и сожженъ въ ту пору. По литературнымъ источникамъ, г. Шестаковъ полагаетъ [*op. c.*, 134—135], что этотъ храмъ былъ во имя пресв. Богородицы Влахернской и что именно въ его усыпальницѣ погребенъ папа св. Мартинъ; въ крестильнѣ же

3) *Обстояніе города, блокада.* Начальная лѣтопись прямо не говоритъ, но по всему ея смыслу и выраженіямъ очевидно, что городъ былъ обложенъ съ суши. Всѣ лѣтописныя подробности этой осады и выраженія употребленныя для ея описанія, сухопутныя: «обстоять» городъ, «сыпать присыпу» къ нему, «пустить стрѣлу», «копать прекі трубамъ», возможно только на сухомъ пути. Академикъ А. А. Шахматовъ полагаетъ, что Владимиръ началъ обложеніемъ города только съ моря и лишь послѣ долгаго шестимѣсячнаго стоянія и то по указанію Варяга Ждьберна, сдѣланному изъ города, перешелъ къ обложенію его съ сухого пути. Основаніе такого утвержденія видится въ вышеприведенныхъ словахъ лѣтописи «сталъ объ онъ полъ града въ лимени», какъ будто означающихъ блокаду съ моря. Допустивъ такое объясненіе, изъ него уже слѣдуетъ, что дальнѣйшія сухопутныя подробности осады въ лѣтописи являются противорѣчіемъ и, стало быть, вымысломъ; имъ всѣмъ предпо-

---

храма, будто бы сохранившейся до сихъ поръ, могли быть крещены дружинники Владимира. Объ этомъ храмѣ дано много подробностей, какъ въ описаніяхъ раскопокъ, такъ и въ моихъ къ нимъ поясненіяхъ [*О Херсонесѣ, Извѣст., вып.* XXI, 1—70]. Сравнивая все это съ указаніемъ г. Шестакова можно заключить слѣдующее: названіе предложенное для храма возможно и вѣроятно; никакихъ усыпальницъ въ немъ самомъ или находившихся съ нимъ въ связи не имѣется, слѣдовательно предполагать погребеніе св. Мартина возможно лишь въ одной изъ могилъ обширнаго христіанскаго кладбища вокругъ храма, но не въ немъ самомъ; никакой крестильни въ храмѣ не имѣется и никогда не было, а сохранилась лишь раковина для слива воды, которая никакъ не можетъ быть крестильнею, потому что имѣя глубину болѣе аршина, сдѣлана въ видѣ Т, ширина сторонъ котораго всего около 7—8 вершковъ. Не только трижды погрузиться въ такой купели нельзя, но и влѣзть въ нее можно лишь очень малому и тощему, да и то съ помощью акробатическихъ пріемовъ; предполагать въ этой раковинѣ чье либо крещеніе невозможно [подробнѣе см. *О Херсонесѣ*, 22—25].

Это соображеніе не мѣшаетъ допустить возможность въ этомъ храмѣ крещенія части дружины Владимира, но въ какихъ либо особыхъ приспособленіяхъ временного характера. Въ «Словѣ о томъ како» [Шахматовъ, *ор. с.*, 42—43], говорится, что дружина Владимира крестилась въ церкви Богородицы, но это не даетъ для крестообразнаго храма, такъ сказать, осязательной вѣроятности, ибо нельзя утверждать, что не было иной церкви во имя пресв. Богородицы, въ самомъ городѣ. Всего труднѣе предположить, чтобы варварская дружина, простоявшая вокругъ этой кладбищенской церкви 9 мѣсяцевъ, не уничтожила ее столь основательно, что какое либо священнодѣйствіе еще было возможно послѣ того.

чтенъ иной разсказъ изъ «Житія ос. сост.», въ которомъ уже нѣтъ противорѣчій [1]). Такимъ образомъ, опредѣленіе стороны обложенія, съ моря или съ суши, рѣшаетъ, что именно составляетъ вымыселъ въ дошедшихъ до насъ лѣтописныхъ сказаніяхъ объ осадѣ, а потому въ этомъ дѣлѣ необходимо разобраться прежде чѣмъ идти далѣе.

Искони и понынѣ Русь была и осталась сухопутной и пѣшей; вся дружина Владимира была таковой; лодьи ей служили только и единственно средствомъ сообщенія и ни малѣйшаго боевого смысла не имѣли. Да и не только такими невѣжественными посудинами невозможно было обложеніе города, но и никакими иными того времени. Флотъ и понынѣ, кромѣ особенныхъ случаевъ, безъ помощи сухопутныхъ силъ не можетъ осаждать крѣпость. Горьчайшія воспоминанія, столь близкія намъ, о гибели государственнаго значенія и боевой славы въ Севастополѣ и Портъ-Артурѣ, во очію о томъ свидѣтельствуютъ. Изъ этихъ примѣровъ вполнѣ ясно, что даже и современный флотъ, обладающій огромною силой дальнобойнаго разрушенія, все таки является второстепеннымъ, не рѣшающимъ элементомъ, при осадѣ крѣпости; древній же флотъ еще менѣе могъ что либо сдѣлать, самъ по себѣ, въ такихъ случаяхъ, особенно если на немъ, какъ у Владимира, не было боевыхъ машинъ. Хожденіе такого флота передъ крѣпостью, кромѣ издѣвательства отъ осажденныхъ ничего иного вызвать не могло. Съ другой стороны, какъ не мало свѣдущи были Владимиръ и его дружина, но вѣдь всѣ они до того занимались изъ года въ годъ войнами и осадами городовъ [Полотскъ, Кіевъ, Родня, Червенъ, Перемышль] и очень хорошо знали, что первое условіе успѣха въ такихъ предпріятіяхъ, а при неумѣлости и единственное, было обступить городъ, отрѣзать его отъ сообщенія съ внѣшностью, взять его изморомъ. Это представленіе не есть ученое военно-стратегическое, оно доступно инстинктивному пониманію любой толпы взбунтовавшихся мужиковъ или дикарей самой низкой степени культуры [2]). Самъ Владимиръ осаждалъ

1) Шахматовъ, *op. c.*, 87, 90.

2) Напр. осада Кіева Печенѣгами, впервые пришедшими въ 6476, когда горожане изнемогали гладомъ и ~~водою~~ знаменіи; осада Бѣлгорода ими же въ 6505; Половцы осаждая Торческъ отняли воду и окружили такъ, что люди изнемогали водною жажею и голодомъ, въ 6601 г. [Лаврент., подъ соотвѣт. годами].

Родню такъ, что «бѣ гладъ великъ въ немъ», т. е. значитъ городъ былъ тщательно и сторожко обложенъ; да и съ другими городами было тоже, но только о томъ не упомянуто потому что они сдавались скоро. Какъ же возможно думать, что такого самопервѣйшаго правила не соблюли подъ Корсунемъ. И еслибы въ самомъ дѣлѣ случилось, что забывъ сушу, обложили городъ лишь съ моря, то не шести мѣсяцевъ, а и нѣсколькихъ дней было бы довольно для показа, что море не шутитъ и лодьямъ долго въ немъ держаться совершенно невозможно. Вѣдь впереди Корсуня открытое море, къ тому же весьма бурное, даже въ лѣтніе мѣсяцы оно не по долгу бываетъ спокойнымъ, а тутъ рѣчь идетъ о шести мѣсяцахъ блокады. Значитъ, не только не вѣроятно, но и прямо невозможно думать, чтобы при тогдашнемъ веденіи осадъ, пѣшая дружина вздумала осаждать городъ съ моря, а не съ суши.

Только что выше опредѣлено значеніе, въ отношеніи мѣстныхъ условій, реченія «объ онъ полъ града въ лимени» и слѣдуетъ прибавить, что оно не только не указываетъ на морскую блокаду, но что именно однихъ этихъ словъ достаточно, даже еслибы и ничего иного не было въ лѣтописи, для утвержденія обложенія города съ суши, съ какою цѣлью Владимиръ и ворвался въ гавань города, къ самымъ слабымъ мѣстамъ его стѣнъ. Теперь видно, что во всемъ этомъ никакого нѣтъ противорѣчія въ «Нач. Лѣт.» и поэтому поводу не приходится отказываться отъ всѣхъ ея дальнѣйшихъ показаній, почему и далѣе я буду на нихъ же основываться.

Быть можетъ, казалось необходимымъ, хотя къ тому и нѣтъ данныхъ, предположить морскую блокаду для объясненія указанія Жльберна о свободномъ доставленіи продовольствія съ сухого пути, но это обстоятельство, какъ будетъ далѣе показано, превосходно объясняется однѣми топографическими условіями Корсуня, не требуя отказа отъ всего разсказа «Нач. Лѣт.». Къ тому же въ такомъ отказѣ тѣмъ менѣе надобности, что блокада съ моря не заключается и въ указаніяхъ «Жит. ос. сост.»; и тутъ осада, какъ и должно, показана съ самаго къ ней приступа, явно сухопутной. Жльбернъ *пускаетъ стрѣлу*, въ *полкъ* Варяговъ, проситъ *донести* ее Владимиру, пишетъ ему о безполезности его *стоянія* подъ городомъ, наконецъ самъ Владимиръ, будто бы вла-

дѣющій моремъ и держащійся въ немъ, удаляетъ не суда доставляющія продовольствіе, а копаетъ *путь земляный*. Всѣ эти выраженія и самый способъ дѣйствія обозначаемый ими [стрѣла, перекапываніе] возможны только на сушѣ и при сухопутномъ обложеніи. Такимъ образомъ, еслибы приходилось отъ чего либо отказаться, то предпочтительнѣе было бы оставить безъ вниманія разсказъ Ждьберна, а не такой цѣльный и правдивый, какъ въ «Нач. Лѣт.». Но ни отъ чего отказываться и не слѣдуетъ, такъ какъ оба разсказа явно только дополняютъ, а не замѣняютъ другъ друга, что и будетъ показано вслѣдъ за симъ.

4) *Стояніе 6 мѣсяцевъ, угрозы.* Итакъ, городъ непремѣнно былъ обложенъ съ суши; конечно, присматривали и за моремъ, можетъ быть даже посылали туда, въ тихую погоду, очередныя сторожевыя лодьи. Во всякомъ случаѣ, и на сушѣ, кромѣ простого стоянія, иного способа воздѣйствія на укрѣпленный городъ у Владимира не было. Искусство тогдашней поліоркетики ему было не вѣдомо, осадныхъ машинъ у него не имѣлось, оставался одинъ исходъ, стараться взять городъ измором, долгимъ стояніемъ. Именно это послѣднее и указываетъ «Житіе ос. сост.» говорящее, что Владимиръ «стоя 6 мѣсяцъ» или «многое время», дополняющее этимъ свѣдѣніемъ «Нач. Лѣт.» [1]). Но и въ послѣдней не трудно замѣтить тоже самое, хотя и не точно опредѣленное, но все же достаточно ясное указаніе на весьма долгое стояніе Владимира подъ городомъ. Въ самомъ началѣ разсказа въ пей говорится «боряхуся крѣпко изъ града», а затѣмъ, тутъ же, «изнемогаху въ градѣ людье». Чтобы сдѣлать первое замѣчаніе надо не малое время, а для второго и вовсе большое. Можно съ увѣренностью думать, что городъ, такъ же какъ и Владимиръ, имѣлъ своихъ соглядатаевъ, лазутчиковъ, торговыхъ людей и гулящихъ авантюристовъ-воиновъ, слѣдовательно долженъ былъ знать о готовящемся противъ него походѣ. Примѣромъ можетъ служить предупрежденіе о походѣ Игоря, данное въ Царьградъ, тѣми же Корсунянами [2]). Наконецъ, и корсунскіе

---

1) Шахматовъ, *op. c.*, 46, 48.

2) Лаврентьевская, подъ 6452 г.; Веселовскій, *Вид. Василія Нов., Ж. Мин. Нар. Пр.*, 1889, *январь*, 88.

рыбаки изъ устьевъ Днѣпра, увидя русскую дружину, на много дней упредили ее и подняли въ городѣ тревогу. Все это дало ему достаточно времени для приготовленія къ долгой осадѣ, сборомъ всяческихъ запасовъ. Лѣтъ за двадцать до осады Корсуня, царь Никифоръ Фока указывалъ, чтобы въ городѣ угрожаемомъ осадой каждый житель дѣлалъ запасовъ не менѣе какъ на четыре мѣсяца [1]). Но въ особыхъ предосторожностяхъ для Корсуня не было и надобности, такъ какъ имѣть на складахъ много запасовъ и умѣренно ихъ потреблять городъ былъ пріученъ издавна, самымъ своимъ положеніемъ, зависѣвшимъ отъ подвозовъ со стороны и даже изъ-за моря [2]). Подвозы моремъ могли дѣлаться и дѣлаются главнымъ образомъ лѣтомъ, слѣдовательно къ концу лѣта, когда началась осада [о чемъ далѣе], городъ уже былъ обильно снабженъ не менѣе, какъ на полугодовую потребность, т. е. на всю осень, зиму и весну. Всѣ его ближайшія средства, мѣстная жатва [снимаемая въ іюнѣ], также уже были собраны и, конечно, по общему тогдашнему правилу, свезены въ городъ. Изъ сказаннаго прямо слѣдуетъ, что изнеможеніе могло наступить въ Корсунѣ очень не скоро, не ранѣе лѣта будущаго года. Долгое стояніе Владимира чувствуется и въ послѣдовавшей его угрозѣ «стоять и за три лѣта». Такую угрозу надо понимать не иначе, какъ вторую часть полнаго реченія: «стоялъ очень долго, буду стоять и еще дольше, безъ конца». Первая часть была всѣмъ ощутительна, ее нечего было повторять, потому и сказана лишь вторая. Въ этой угрозѣ видно на столько долгое стояніе Владимира, что онъ началъ терять терпѣніе, такъ какъ не могъ думать, чтобы крѣпкій городъ скоро ему предался. Усмотрѣть же въ этой угрозѣ пѣсенную выдумку, и это лишь потому, что здѣсь сдѣлано указаніе на число три едва ли допустимо. Мы вѣдь ежедневно говоримъ «цѣлый вѣкъ не видѣлся», «въ три года не доскачешь» и изъ этихъ физически вздорныхъ выраженій, значащихъ просто неопредѣленную долготу времени, невозможно же заключать о не бытіи и пѣсенной выдумкѣ всѣхъ тѣхъ случаевъ, гдѣ эти выраженія могутъ встрѣтиться. Угроза Вла-

---

1) Никифоръ Фока, *О ошибкахъ съ непріятелемъ, гл. объ осадѣ города*, 154, въ *Ист. Льва Діак.*, пер. Попова, 1820.

2) Объ этомъ подробнѣе, *О Херсонесѣ*, 192—194, *прим.*, *Изв. Арх. Ком.*, XXI.

димира значила буду стоять долго и ничего болѣе, такъ и поясняются эти слова въ Никоновской «имамъ стояти много лѣта» [1]).

Итакъ, стояли очень долго. Вѣроятно, сначала городъ дѣлалъ разныя попытки къ прорыву и посылкѣ гонцовъ, соглядатаевъ; устраивалъ вылазки съ цѣлью добычи продовольствія или для наибольшаго безпокойства непріятеля. Многія изъ этихъ предпріятій были удачны, отсюда и пошло «боряхуся крѣпко изъ града». Всего болѣе, конечно, занимались обѣ стороны безобидной перестрѣлкой или душеотводящей усиленной бранью, словесной и письменной, на стрѣлахъ [2]). «Володимеръ же много тружався не успѣваше ничтоже», откровенно и правдиво поясняетъ Никоновская лѣт. [3]); да это и понятно со стороны храброй, но невѣжественной дружины лапотниковъ, ставшей лицомъ къ лицу съ сапожной культурой, передъ городомъ съ хорошими высокими стѣнами. Отсутствіе успѣха повело къ тому, что все это стояніе стало всѣмъ надоѣдать. Началась безкормица въ малоплодородной и опустошенной странѣ; наступили долгія и холодныя, осеннія и зимнія ночи; развились неизбѣжныя болѣзни. Все это было тяжело и трудно переносимо и вотъ тутъ сторожевая служба, и безъ того плохая, какъ во всякомъ народномъ ополченіи, надо думать дошла до полнаго упадка и пренебреженія. Этимъ и воспользовался городъ, такъ успѣшно, что и послѣ долгаго обложенія могъ на угрозу Владимира не обратить вниманія: «они же [т. е. горожане] не послушаша того».

5) [По «Жит. ос. сост.»]. *Сообщеніе стрѣлой о провозѣ корма, прекращеніе этого.* Въ это время получилось изъ города извѣщеніе, отъ приверженца Владимира, его почитателя или, вѣрнѣе, кондотьери тогдашняго стиля, служившаго тамъ, гдѣ было лучше и сообразившаго, что городу все равно не уцѣлѣть, а потому слѣдуетъ заранѣе войти въ

---

1) Никоновская, *изд.* 1767, *стр.* 85. Поздній сводъ, но повторявшій древніе списки, а если и пояснявшій старую рѣчь, то все же не съ нынѣшнимъ, а съ *старинным*ъ [ранѣе XVI в.] ея пониманіемъ.

2) Усиленныя убѣжденія византійскаго вельможи не поносить непріятеля со стѣнъ города, служатъ доказательствомъ распространенности и въ то время этого древнѣйшаго пріема. Васильевскій, *Совѣты виз. боярина XI в., Ж. Мин. Нар. Пр.*, 1881, *іюль*, 156.

3) Никоновская, стр. 85.

милость къ Владимиру. Варягъ Ждьбернъ, на стрѣлѣ, увѣдомилъ о тайномъ провозѣ въ городъ кормовъ и это извѣщеніе очень важно, потому что такъ вѣрно и тонко рисуетъ мѣстныя особенности, что не можетъ быть ни отвергнуто, ни даже заподозрѣно. Разсмотрю сначала его внѣшнія стороны, а потомъ существо.

Ждьбернъ своё донесеніе послалъ на стрѣлѣ и это, повидимому, кажется всего страннѣе. Если не ошибаюсь, особенно въ подобномъ указаніи усматривали столь явный элементъ сказочности, что и весь лѣтописный разсказъ о взятіи Корсуня признавали чистымъ вымысломъ. Такое мнѣніе, отчасти, понятно въ наше время, когда о стрѣлѣ мы только и знаемъ, что изъ былинъ да пѣсенъ. Совсѣмъ не то было въ теченіе тысячелѣтій господства стрѣлы, какъ метательнаго оружія. Тогда это было удобное и подручное средство для сообщеній. На стрѣлахъ, повсюду, а въ осадахъ, такъ сказать, повседневно, пересылались всяческія предложенія, указанія, новости, истинныя или вымышленныя, подговоры, брань, угрозы въ особенности, даже огонь и всякая мерзость. Это оружіе было не только удобное, но и вѣрное, потому что полетъ стрѣлы былъ примѣтенъ, тѣмъ болѣе мѣсто ея паденія; затѣмъ, стрѣлы всѣ и всѣми подбирались, чтобы переотправить ихъ обратно, значитъ и принесенное ими достигало своего назначенія и не терялось [1]). Такимъ образомъ, надобно удивляться не тому, что о такомъ способѣ передачи извѣстій бываютъ указанія, а тому, что ихъ такъ мало. Въ пѣснѣ, въ былинѣ, онѣ не умозрительная выдумка, а лишь слабое отраженіе дѣйствительности.

Немудрено было изъ Корсуня послать стрѣлу, гораздо хитрѣе тогда было написать на ней то, что надобно, а потому приходилось принимать особыя мѣры, чтобы такая рѣдкость не затерялась и дошла по назначенію и вотъ это очень толково обставилъ Ждьбернъ. Онъ крикнулъ со стѣны, чтобы стрѣлу подняли и донесли Владимиру, но подобный крикъ

---

1) Чтобы непріятель не воспользовался стрѣлами для обратной посылки ихъ надрѣзывали, но такія стрѣлы трудно сохранялись, а въ бою надрѣзывать некогда. Мнѣ пришлось видѣть въ Видинѣ у Турокъ большую башню древняго замка, почти на половину высоты завалённую стрѣлами съ совершенно перегнившимъ деревомъ, но все же стрѣлы были безъ надрѣзовъ. Турки увѣряли, что эти стрѣлы еще Болгарскія, что очень возможно.

былъ явнымъ предательствомъ, за которое нигдѣ не хвалили, поэтому онъ послалъ стрѣлу въ полкъ Варяговъ, которымъ могъ кричать на непонятномъ для горожанъ языкѣ Викинговъ, объяснивъ гражданамъ этотъ крикъ обычной бранью, всѣми посылаемой; на разстояніи полета стрѣлы голосъ человѣка слышится еще достаточно. Весь этотъ разсказъ очевидно схваченъ прямо съ натуры. Въ этомъ дѣлѣ Ждьбернъ является случайнымъ человѣкомъ, а это показываетъ, что у Владимира не было подготовленныхъ приверженцевъ въ городѣ и что осада была настоящая, а не для вида только.

По своему существу указанія Ждьберна еще любопытнѣе. Онъ говорилъ, что судовщики [корабленицы] вносятъ продовольствіе въ городъ съ сухого пути, съ востока. Такой удивительно сложный способъ не могъ быть выдуманъ и находитъ себѣ объясненія въ мѣстныхъ условіяхъ. Если-бы блокада была съ моря, то корсунскимъ судамъ приходилось бы останавливаться такъ далеко, внѣ возможной видимости, что самая переноска съ нихъ кормовъ стала бы едва ли исполнимой. При этомъ свободная, открытая сухопутная сторона города вовсе не вызывала участія судовщиковъ и продовольствіе могли бы просто доставлять прямо съ суши. Вотъ тутъ и приходится вспомнить, какъ все вышесказанное, такъ и положеніе Корсуня вообще. Не морская, а именно сухопутная сторона города была тѣсно обложена, такъ что черезъ нее не пробраться; кромѣ того, съ сухопутной стороны Корсуню немногое можно было ждать; по словамъ Константина Багрянороднаго, чтобы его заморить стоило не пускать къ нему судовъ изъ-за моря. Разумѣется и здѣсь, говоря о морской доставкѣ должно понимать не одну заморскую, невозможную въ эту пору года, но также и ту, которую, въ виду чрезвычайныхъ обстоятельствъ, можно было организовать съ ближайшихъ прибрежій, особенно со стороны нынѣшней Евпаторіи, входившей издавна въ сферу вліянія Корсуня. Итакъ, во время осады, продовольствіе могло доставляться въ городъ только такъ, какъ сказано въ «Жит. ос. сост.», т. е. съ моря, слѣдовательно съ участіемъ судовщиковъ, но прямо, непосредственно и они ничего не могли сдѣлать. Гавань, портъ Корсуня, былъ захваченъ врагами, а съ открытаго моря, т. е. съ сѣвера города, скалистые берега не позволяютъ ни приставать, ни разгружаться, ни стоять въ сколько-нибудь дурную по-

году, а это было постоянно въ ту пору осады, о которой говорится, т. е. въ глубокую осень и зиму. Приходилось прибѣгнуть къ особому ухищренію: суда не замѣтно, по ночамъ, входили въ большую бухту [нынѣ Севастопольскій рейдъ], тамъ они становились въ мелкихъ заливчикахъ [F—F карты], укрываясь въ совершенствѣ берегами и горами отъ непогоды и отъ досмотра непріятелемъ; тутъ они могли свободно выжидать удобной минуты. Отсутствіе хорошей сторожевой службы у Владимира позволяло судовщикамъ, по ночамъ, переносить все къ мыску G карты, по суху, а затѣмъ уже горожане сами перевозили доставленное черезъ устье залива, на мелкихъ лодкахъ, спрятанныхъ за стѣнами и потому не уничтоженныхъ осаждающимъ. Весь этотъ путь къ городу шелъ именно съ востока, какъ говоритъ разсказъ «Житія ос. сост.». Чтобы устроить все это надо было время, но оно и нашлось при долгомъ стояніи.

Узнавъ, Владимиру не трудно было прекратить эту тайную доставку, поставивъ съ востока же, на мыскѣ G, достаточно сильный сторожевой полкъ, который будучи отдѣленнымъ отъ стана верстой разстоянія, быть можетъ, и окопался, устроивъ временное укрѣпленіе. Только такъ можно понимать повелѣніе Владимира «поуть. . . прекопати», такъ какъ въ обыкновенномъ смыслѣ пониманія перекапываніе пути ничему не могло здѣсь помѣшать. Это не какая-нибудь узкая стезя, надъ пропастью, перекопаніе, т. е. обрушеніе которой уничтожаетъ и возможность прохода; здѣсь мѣсто свободное, широкое, перекопать его трудно и долго, а забросать малую часть перекопа, если онъ сдѣланъ, для прохода весьма просто и легко. Впрочемъ само появленіе этого выраженія въ «Жит. ос. сост.», а также и нѣкоторыхъ другихъ въ немъ несообразностей, будетъ объяснено далѣе, при сравненіи съ разсказомъ объ Анастасѣ.

6) [По «Нач. Лѣт.»] *Активныя дѣйствія въ видѣ земляныхъ работъ, ихъ безуспѣшность.* Конечно, принятыми мѣрами доставка продовольствія пріостановилась, но замѣтнаго вліянія на ускореніе осады отъ прекращенія тайнаго проноса корма не сказалось; по крайней мѣрѣ «Жит. ос. сост.», въ которомъ подробно изложенъ эпизодъ Ждьберна, если въ его разсказъ не вносить прибавленій изъ другихъ источниковъ, ничего о томъ не говоритъ и лишь замѣчаетъ, что послѣ

того Владимиръ «по трехъ мцѣхъ взялъ градъ»[1]). Такое большое время поясняетъ, что «прекопаніе пути», т. е. безусловно строгое обложеніе, рѣшительнаго значенія не имѣло, можетъ быть даже оно и не вполнѣ удалось, т. е. осажденные все еще находили какія нибудь лазейки. Да и помимо такихъ случаевъ этого и слѣдовало ожидать въ виду вѣроятныхъ большихъ запасовъ продовольствія, сдѣланныхъ городомъ съ самаго начала, какъ показано выше, и значительнаго ихъ пополненія во время недосмотра сторожевыхъ частей и прорыва блокады. Наученные опытомъ дружинники можетъ быть сторожили и лучше, но городъ все же не сдавался и осаждающимъ надо было приступить къ какимъ-либо осаднымъ работамъ, хотя бы съ цѣлью занять людей въ глухую зимнюю пору, поддержать въ нихъ боевую дѣятельность и вѣру въ скорое взятіе города. Только потерявъ надежду взять городъ измором рѣшились приступить къ активнымъ дѣйствіямъ.

Не обладая никакими осадными орудіями, прибѣгли къ единственному доступному средству, правда, самому грубому, искони употреблявшемуся на первыхъ ступеняхъ цивилизаціи. Повели особаго рода земляныя работы, очень кратко, но вполнѣ понятно и отчетливо указанныя въ «Нач. Лѣт.» словами: «повелѣ присну сыпати къ граду». Еслибы и не было далѣе въ той же лѣтописи, разъясняющихъ эти слова соображеній о причинѣ не успѣха этихъ работъ, то и ихъ однихъ было бы достаточно для совершенно точнаго пониманія работы предпринятой осаждающими. Однако, ясность этого не для всѣхъ очевидна; точное и простое объясненіе этихъ словъ давно показано[2]), но осталось не замѣченнымъ, а потому повторю его подробнѣе, показавъ, для начала, неудобопріемлемость обычныхъ толкованій. Возьму лишь наиболѣе подробныя изъ нихъ, далекія по времени одно отъ другого.

Карамзинъ понималъ эти слова, какъ указаніе «*вала насыпаемаго передъ стѣнами, чтобы окружить оныя, по древнему обыкновенію военнаго искусства*[3])».

Г. Шестаковъ держится того же объясненія, онъ полагаетъ, что

---

1) Шахматовъ, *ор. с.*, 46.
2) *Раскопки Херсонеса* 14, *примѣч.* 2.
3) Карамзинъ, *Истор. Гос. Рос.*, I, *гл.* IX, 130, *примѣч.* 450.

былъ сдѣланъ «*осадный валъ заграждающій городъ, отрѣзывающій его, противъ чего Корсуняне вели контръ-апроши*[1])».

Г. Ласкинъ много останавливался на этомъ вопросѣ, озаглавивъ его: «*О способѣ осады посредствомъ насыпнаго вала*»; онъ говоритъ далѣе «*осадили, очевидно, насыпавъ валъ*[2])».

Валъ передъ стѣнами, осадный валъ—житейскія выраженія не имѣющія въ военной техникѣ какой либо опредѣленности; подъ ними можно понимать весьма многое и совершенно различное по виду и смыслу. *Способъ осады посредствомъ насыпнаго вала* также ничего точнаго не указываетъ; это тоже что сказать способъ осады посредствомъ пушекъ. Въ историческихъ примѣрахъ такого вала, приводимыхъ г. Ласкинымъ, указаны три пріема, совершенно различныхъ по виду и смыслу.

Изъ многихъ способовъ осадныхъ работъ, въ которыхъ бо́льшее или меньшее значеніе имѣютъ валы, замляныя работы, наиболѣе подходящій къ объясненіямъ вышеуказанныхъ авторовъ будетъ, говоря языкомъ военной техники, устройство контрвалаціонной линіи, на слѣдующей основѣ. Осаждающій желаетъ быть обезпеченнымъ отъ вылазокъ, нечаянныхъ нападеній, прорывовъ изъ осажденнаго города. Простая стража не можетъ помѣшать этому, ибо она почти всегда будетъ слабѣе выбирающаго время и мѣсто нападающаго изъ города, а пока къ ней подойдутъ подкрѣпленія, цѣль вылазки или прорыва можетъ быть достигнута. Все это вынуждало осаждающаго прикрыть себя, стать самому за крѣпостной оградой. Съ такой цѣлью предпринимались особыя работы, иногда огромнаго размѣра, и если онѣ окружали весь городъ непрерывно, то назывались контрвалаціонными линіями. Въ такихъ случаяхъ всѣ устройства бывали не только изъ земли, въ видѣ простыхъ валовъ, но часто, къ нимъ прибавлялись башни, палисады, непремѣнно рвы, разныя препятствія и проч.; случалось, что строили даже двойныя большія кирпичныя стѣны, съ такими же башнями, вокругъ всего города [Платеи—но часть осажденныхъ все таки прорвалась]. Лишь такого рода работы могутъ подразумѣваться подъ именемъ «*осаднаго вала*» или «*приспы окружающей*

1) Шестаковъ, *ор. с.*, 88, 135—136.

2) Ласкинъ, *Соч. Константина Багрян.* «*О Θемахъ*», 175, *прил.* 16, *стр.* 236.

городъ». Этотъ пріемъ извѣстенъ, конечно, очень давно, но никакъ нельзя сказать, что онъ бывалъ всегда, при всякой осадѣ, и потому «*осадили*» не можетъ непремѣнно значить, что и валъ кругомъ насыпали, устроили контрвалаціонную линію.

Невозможно здѣсь указывать многочисленные отрицательные и положительные примѣры устройства этихъ линій, я думаю довольно будетъ замѣтить, что онѣ извѣстны на востокѣ съ незапамятныхъ временъ. Римляне, большіе искусники въ земляныхъ работахъ и любители ихъ, пользовались ими очень часто и въ большихъ размѣрахъ; Греки, напротивъ, не любили и употребляли сравнительно мало. Причины тому понятны. Всѣ эти работы очень длительны и тяжелы, а потому всячески, всегда, войска ихъ избѣгали, особенно ополченія, не обладающія желѣзной дисциплиной римскихъ легіоновъ хорошаго времени; позже и эти отстали отъ подобныхъ работъ[1]). Употребленіе такихъ осадныхъ валовъ русскими дружинами, Владимирова времени, мнѣ неизвѣстно и не кажется вѣроятнымъ. Ни умѣнья, ни терпѣнья, ни потребныхъ инструментовъ у дружинъ, имѣвшихъ характеръ ополченій, не было. Случалось, что вмѣсто окружной линіи устраивали отдѣльныя укрѣпленія, чтобы быть въ нихъ безопасными и нападать изъ нихъ, когда покажется выгоднымъ. Такъ поступалъ, обыкновенно, осаждающій, не чувствовавшій себя очень сильнымъ, что и было съ тѣмъ же Владимиромъ, при осадѣ имъ Кіева, когда онъ и самъ окопался[2]).

Если и вообще говоря трудно ожидать отъ дружинъ Владимира примѣненія подобныхъ осадныхъ валовъ, то въ частности подъ Херсонесомъ это уже и вовсе невѣроятно. Валъ контрвалаціонной линіи, чтобы имѣть значеніе, долженъ былъ быть не малыхъ размѣровъ, а вся почва вокругъ Корсуня есть сплошная почти скала, едва прикрытая тощимъ сломъ земли; въ такихъ условіяхъ проложить контрвалаціонную было линію почти невозможно для дружины Владимира, по неимѣнію инструмента и навыка къ такой работѣ. Слѣды подобныхъ сооруженій сохраняются очень долго, по-

---

1) Vegetius, *Instit. rei milit.*, IV, cap. XXVIII. Подробно описаны и значеніе и видъ работъ.

2) Лаврентьевская, подъ 6488. «Стояше Володимиръ, обрывся на Дорогожичи».

тому что никому не хочется ихъ изглаживать, по трудности и безполезности этого; напр., римскія стоянки, мѣста осадъ, лагери примѣтны и не въ такихъ почвахъ, но и малѣйшаго слѣда чего либо подобнаго нѣтъ во кругъ Корсуня. По самому смыслу своему эти работы имѣютъ охранительный характеръ и потому къ нимъ приступаютъ первымъ дѣломъ, въ самомъ началѣ осады, между тѣмъ въ «Нач. Лѣт.» о нихъ идетъ рѣчь послѣ долгаго стоянія. Въ сущности такія работы, служившія болѣе для защиты осаждающаго, прямо не угрожали городу, и предпринимать мѣры для ихъ уничтоженія не было и повода, такъ какъ Корсунь не могъ же думать вступить въ борьбу съ Владимиромъ въ чистомъ полѣ, потому что силы послѣдняго безмѣрно превосходили Корсунскія; и все же мы видимъ, что «Нач. Лѣт.». особенно настаиваетъ на указаніи стараній осажденнаго для уничтоженія этихъ работъ, значитъ онѣ были иного рода и имѣли большое значеніе для него. Землю приспы уносили въ городъ и дѣлали это тайно, но уносить землю съ окружающаго вала въ городъ не къ чему и этого никогда не дѣлаютъ; если уже надо, то такія устройства просто разбрасываютъ и тѣмъ уничтожаютъ если могутъ. Но землю приспы уносили не просто, а тайно, что уже и физически невозможно. Нельзя же землю большихъ работъ вокругъ всего города, сдѣланныхъ далеко отъ его стѣнъ, внѣ выстрѣла, унести незамѣтно для осаждающаго, какъ бы небрежно не исполнялъ онъ сторожевую службу. Да еще уносить такъ, что осаждающіе не могли догадаться куда исчезаетъ земля. Въ такихъ условіяхъ это была бы не военная хитрость, а волшебство. Карамзинъ говорилъ, что такой валъ назывался *спомъ* и *приспомъ* [1]). Теперь валъ зовется насыпью, а *приспа* сохранилась въ словѣ присыпь, что совсѣмъ не однозначаще съ насыпью. Довольно сказать, что «Нач. Лѣт.» говоритъ «*приспу* сыпать *къ* граду и, конечно, это не можетъ значить «сдѣлать *насыпь вокругъ* города», какъ слѣдовало бы, еслибы здѣсь дѣло шло объ окружающемъ валѣ. Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что устройство осаднаго вала въ видѣ контрвалаціонной линіи не можетъ быть выведено ни изъ существа осады вообще, ни изъ словъ «Нач. Лѣт.».

---

1) Карамзинъ, *Ист. Гос. Рос.*, I, *гл.* IX, *прим.* 450. Первое слово въ смыслѣ вала показано подъ 6497 г. [Лейбовичъ, Св. Лѣт.]; второе находилъ лишь въ опис. Корс. осады.

Второй способъ осадныхъ работъ, могущій, до нѣкоторой степени, пониматься подъ названіемъ осаднаго вала—возведеніе боевыхъ террасъ. Онѣ также устраивались на нѣкоторомъ разстояніи отъ, стѣнъ, желая съ ихъ помощью доставить возможность осаднымъ орудіямъ и стрѣлкамъ осаждающаго стоять на уровнѣ или выше верха стѣнъ города. Ясно, что и этого не для чего было дѣлать въ такой осадѣ, гдѣ только и умѣли что стоять и никакихъ машинъ не знали. Изъ такой террасы также совершенно невозможно тайно и незамѣтно уносить землю.

Но есть еще способъ, а именно присыпь земли къ стѣнамъ для того, чтобы по этой присыпи, ложащейся въ видѣ откоса, влѣзть на верхъ стѣны. Этотъ способъ былъ простѣйшимъ, замѣнявшимъ лѣстницы, самымъ естественнымъ для невѣжественныхъ войскъ, подобныхъ дружинѣ Владимира, неимѣвшихъ понятія объ искусствѣ осады города. Земля была подъ рукой, наскрести и насыпать ее можно было чѣмъ попало. Прогоняя стрѣлковъ со стѣнъ своими выстрѣлами, почти безобидно доходили къ подошвѣ стѣны, а затѣмъ, на протяженіи десяти, двадцати саженъ ея сыпали землю подъ стѣну; когда такая насыпь достигала верха стѣны, по ея отлогости могли всходить воины цѣлой толпой, оказываясь сильнѣе стоящихъ на стѣнѣ защитниковъ, ибо тамъ многимъ не помѣститься, какъ то возможно на присыпѣ. Такая работа, понятно, угрожала городу самымъ прямымъ образомъ и избѣгнуть этой опасности можно было лишь единственнымъ способомъ — не допуская возвысить присыпь до верха стѣны. Для этого, давъ присыпѣ немного вырости, пробивали стѣну внизу и въ эту пробоину, совершенно незамѣтно и безопасно, выгребали землю низа присыпы внутрь города, отчего она осѣдала, непонятнымъ образомъ для осаждающаго. Пріемъ активной осады съ помощью присыпы едва ли не древнѣйшій изъ извѣстныхъ, во всякомъ случаѣ онъ наипростѣйшій; уже на ассирійскихъ памятникахъ его можно видѣть. Онъ же былъ извѣстенъ и варварскимъ народамъ, напр., его примѣнили Готы подъ Филиппополемъ въ 250 году, при чемъ самый способъ осажденныхъ помѣшать успѣху такой работы былъ точно тотъ самый, что показанъ въ нашей «Нач. Лѣт.»[1]). Эта помѣха, будучи

1) Дексиппъ, *Византійскіе историки, перев. Дестуниса*, 39. Акад. г. Голубинскій полагаетъ, что подобную присыпь дѣлали Руссы подъ Царьградомъ, при Аскольдѣ

очень старой и извѣстной всетаки на дружину Руссовъ дѣйствовала подавляющимъ образомъ и твердо запечатлѣлась въ ея памяти.

Точность даннаго объясненія подтверждается болѣе подробными толкованіями словъ «Нач. Лѣт.» данными въ ея другихъ спискахъ, хотя и менѣе древнихъ, но все же весьма давнихъ по существу. Въ Архангелогородскомъ прибавлено: «*землю наносити и присыпати и съ горы приступати*» [1]). Никоновская, назвавъ *приспу—приметомъ*, даетъ такое пространное объясненіе: «*Корсуняне жъ тайно извнутрь града подкопавше стѣну градную, крадяху сыпленую персть у ратныхъ. Еликоже ратнии сыпляху землю вровъ, толикожъ граждане тайно крадяху у нихъ землю, и ношаху среди града. Володимеръ же зря удивляшеся, яко ничтоже успеваху сыплуще*» [2]). Кажется нельзя яснѣе показать въ чемъ было дѣло. Надо только къ этому замѣтить, что земля сыпалась не въ ровъ, котораго нигдѣ въ Херсонесѣ не было, а просто къ стѣнѣ (приметывалась), которую и пробивали защитники; но вымысла нѣтъ и въ указаніи рва. Въ Херсонесѣ впереди главной стѣны была малая передовая и пространство между двухъ стѣнъ, въ которомъ именно и сыпалась приспа, легко могло прослыть рвомъ; ошибка даже и въ наши дни повторяемая.

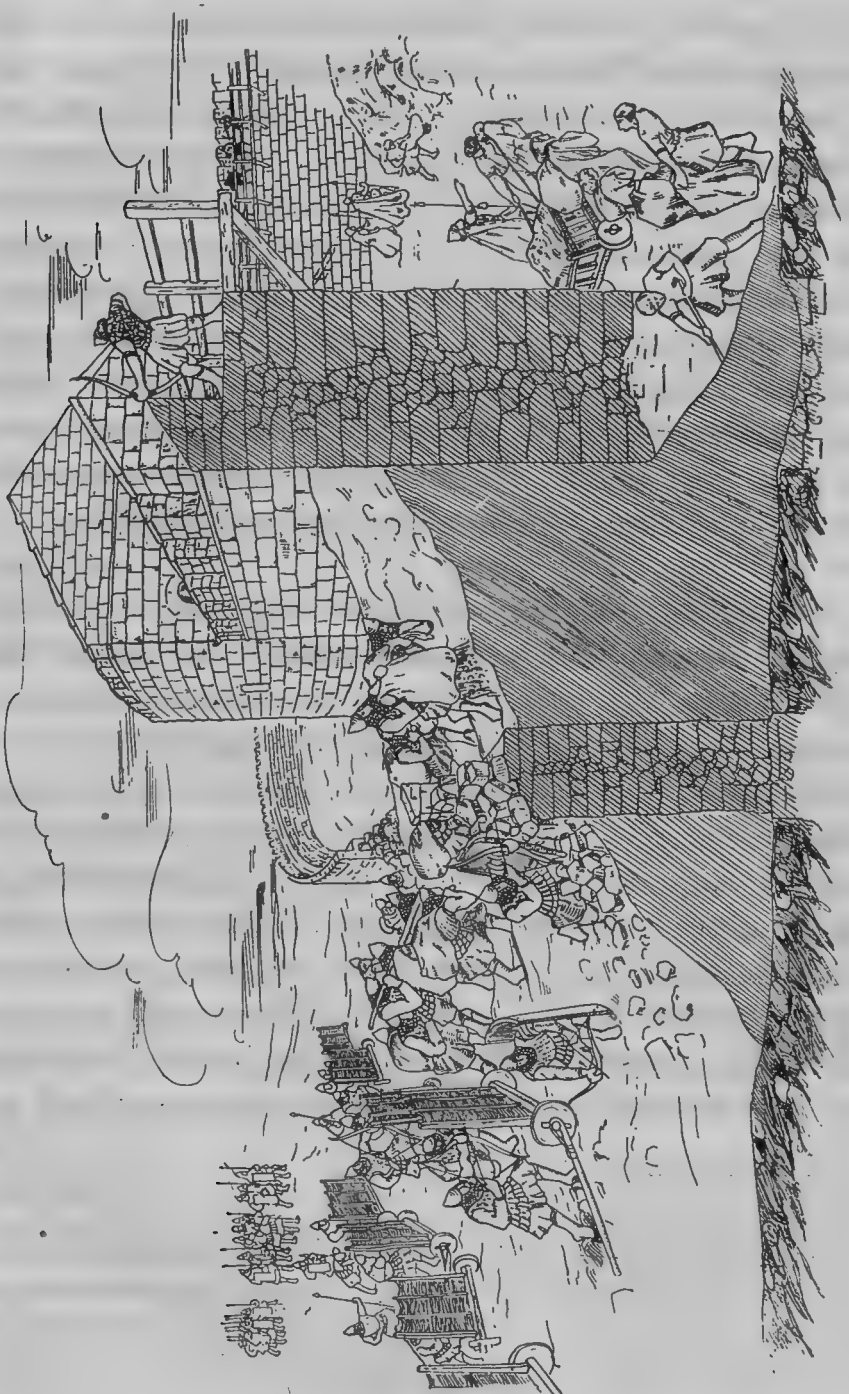
Для совершенной ясности всего этого прилагаю маленькій рисунокъ схематическаго свойства, показывающій разрѣзъ городской стѣны и работы съ обѣихъ ея сторонъ, согласно съ высказаннымъ выше пониманіемъ лѣтописныхъ указаній. Рисунокъ сдѣланъ съ моихъ словъ и неимѣетъ притязанія на археологическую и топографическую точность, это

и Дирѣ [*Ист. Русск. Церкви*, 2-е *изд.*, I, 51]. Это основано на словахъ патр. Фотія, сказавшаго, что покровомъ ризы пресвят. Богородицы «ихъ насыпь разсыпалась».Однако, ни изъ чего не видно, что эту насыпь Руссы дѣлали къ стѣнѣ города. Слишкомъ для нихъ велики тройныя стѣны Царьграда, со рвомъ; да и стояли Руссы подъ Царьградомъ тогда всего одну недѣлю, съ 18-го по 25-е іюня 860 года. [Лопаревъ, *ор. с.*, *Визант. Вр.*, II, 582, 686], а въ такой короткій срокъ не многое можно сдѣлать. Быть можетъ они просто только попробовали засыпать ровъ или устраивали для себя какіе либо окопы; «ограда непріятелей разрушилась» [Лопаревъ, *ор. с.*, 627], можно понимать скорѣе какъ ограду, насыпь, дѣлаемую для защиты себя, чѣмъ противъ стѣнъ города.

1) Лейбовичъ, *Сводн. лѣтопись*, I, 82.

2) Никоновская, стр. 86.

только схема возведенія земляной приспы и сопротивленія ея возрастанію. Однако, приблизительно, имѣлась въ виду стѣна 20 куртины и XVII башня Корсуня [см. эти части стѣнъ на картѣ].



Осада города Корсунь.

Какъ ни естественъ разсказъ о приспѣ, но по общеизвѣстности самаго дѣла онъ могъ бы казаться заимствованнымъ, выдуманнымъ для Корсуня, еслибы и въ немъ не было чисто мѣстной черты. Тайно уносимую землю Корсуняне, по словамъ лѣтописца, сыпали по среди града, а далѣе прибавлено, что Владимиръ на этой насыпанной горѣ построилъ церковь «я же стоитъ и до сего дне». Очевидно, что такъ не выдумываютъ и работа приспы дѣйствительно сопровождалась всѣми сказанными подробностями. Разумѣется, объясненіе г. Шестакова, о невозможности носить землю приспы въ геометрическую середину города и о необходимости понимать выраженіе «по средѣ», какъ значущее просто внутри, вполнѣ основательно и вѣрно. Также вѣрно, что и церковь здѣсь построена не на горѣ, а поверхъ ссыпанной земли. На горѣ свѣжей насыпи ничего нельзя построить, развалится, да и насыпать гору нельзя было, ибо Руссы могли замѣтить и догадаться. Земля сыпалась гдѣ нибудь вблизи куртины 20, къ которой, всего вѣроятнѣе, вели приступъ [1]).

6) *Сообщеніе стрѣлой о водопроводѣ, перенятіе воды и сдача города.* Послѣдняя попытка осаждающаго подготовить возможность взять городъ приступомъ, на копье, потерпѣла полную неудачу. Терялась надежда взять городъ какимъ бы то ни было путемъ; вмѣстѣ съ тѣмъ весь размахъ Владимира оказывался напраснымъ, грозили рухнуть и всѣ его политическія надежды о родствѣ съ царями Византіи, о связяхъ съ тогдашними культурными странами, а всего важнѣе, о вознагражденіи дружины грабежемъ или окупомъ взятаго города. Понятенъ восторгъ Владимира, когда получилось новое, неожиданное извѣщеніе, на этотъ разъ ударившее осажденный городъ въ самое сердце: Владимиру указали, что вода въ городъ доставляется извнѣ, водопроводомъ, который можно перерѣзать; большихъ запасовъ воды имѣть нельзя и сдача города послѣ того

---

1) Шестаковъ, *ор. с.*, 135—137. Тутъ же говорится, о контръ-апрошахъ Корсунянъ для уничтоженія приспы. Никакихъ контръ-апрошей здѣсь не могло быть и самое это слово не то значитъ; древнимъ и самое дѣло имъ обозначаемое едвали было извѣстно, кромѣ развѣ рѣдчайшихъ случаевъ; единственный извѣстный мнѣ, и то если принять мои толкованія, былъ при осадѣ Скиѳами древняго Херсонеса [*О Херсонесѣ*, 183, примѣч.].

неизбѣжна. Очень можно повѣрить, что возможность восторжествовать, показавшая именно въ минуту совершенно вѣроятнаго уныніе, вызвала со стороны Владимира взрывъ радости и обѣщаній, если свѣдѣніе окажется вѣрнымъ. «Нач. Лѣт.» говоритъ, что онъ обѣщалъ въ такомъ случаѣ креститься, въ чемъ нѣтъ ничего удивительнаго и это обѣщаніе уже принявшаго крещеніе Владимира не должно казаться неудачнымъ вымысломъ. Его надо только понимать въ томъ смыслѣ, что свое тайное крещеніе Владиміръ обѣщалъ сдѣлать явнымъ, приготовляя къ тому дружину.

Сообщеніе оказалось вѣрнымъ, водопроводъ былъ найденъ, а затѣмъ, черезъ нѣсколько дней «*людье изнемогоша водною жажею и предашася*». Такъ трагически для стараго города кончилось столь долгое стояніе подъ нимъ дружины Руссовъ, не смотря на его упорную и очень умѣлую, девятимѣсячную оборону.

Заключительная часть лѣтописнаго описанія осады Корсуня нынѣ заподозрѣна: академикъ А. А. Шахматовъ ее вовсе выпустилъ въ сводѣ Корсунской легенды; однако для меня нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что всего менѣе можно выбросить этотъ эпизодъ, вѣнчающій осаду, до такой степени онъ жизненъ, правдивъ и точенъ.

Много лѣтъ тому назадъ, вѣря «Нач. Лѣт.», я вздумалъ поискать на мѣстности линію древняго провода воды въ Кореунь, на которую давно уже, не разъ, натыкались случайно хуторяне окрестностей Севастополя. Мы не только сразу же нашли ее, но и прослѣдили на протяженіи 5—6 верстъ, сдѣлавъ это въ теченіе нѣсколькихъ дней, съ затратой всего десятковъ рублей, до такой степени просто и очевидно, гдѣ именно могъ пролегать водопроводъ. Особенно легко было найти его передъ входомъ въ самый городъ. Здѣсь мы нашли не одну, а три различныя линіи, двѣ изъ гончарныхъ трубъ и одну въ видѣ каменнаго желоба; всѣ три вели, повидимому, къ одному источнику [до котораго, однако, мы не доходили] и очевидно работали не сразу, а замѣняя одна другую во времени. На приложенной карточкѣ показано буквами Н—Н гдѣ пролегалъ водопроводъ и для ясности слѣдуетъ прибавить, что не только иного нигдѣ не было, но по мѣстнымъ условіямъ и быть не могло. Передъ самымъ входомъ въ городъ водопроводныя линіи идутъ по до-

вольно замѣтному перешейку, отъ котораго мѣстность склоняется въ обѣ стороны; здѣсь трубы лежатъ подъ землею, не глубже одного аршина, даже менѣе, такъ что найти ихъ было крайне просто и легко. Именно объ этомъ водопроводѣ Анастасъ сообщалъ на стрѣлѣ: «*кладязи, яже суть за тобою отъ въстока, и с того вода идетъ по трубѣ, копавъ перейми*». Въ этомъ сообщеніи есть одно слово, *отъ въстока*, явно невозможное и съ мѣстностью несогласимое ни при какихъ предположеніяхъ. Одно время я думалъ видѣть въ этомъ обмолвку самого Анастаса [1]), но теперь мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ полагать здѣсь вставку лѣтописца, попавшую не на свое мѣсто, что и покажу далѣе. Затѣмъ въ существѣ этого сообщенія, въ отличіе отъ указанія Ждьберна, видно личное, непосредственное обращеніе къ вождю Руссовъ, поэтому можно думать, что Анастасъ пустилъ стрѣлу въ сторону самого Владимира именно тогда, когда видѣлъ его около точки Н. Въ такихъ условіяхъ показаніе Анастаса было совершенно опредѣленное, такъ какъ линія водопровода вся тянулась именно позади князя и не найти ее было почти невозможно. Къ этому фактическому подтвержденію словъ «Нач. Лѣт.» надобно прибавить, что едва ли удалось бы инымъ путемъ, кромѣ жажды, вынудить сдачу города, слѣдовательно исключить этотъ эпизодъ совершенно невозможно. Продовольствіемъ, видимо, городъ былъ снабженъ обильно и надолго, это показываютъ не только приведенныя выше соображенія, но и всѣ извѣстія о ходѣ осады; взять городъ силой или искусствомъ осаждающіе явно не могли. Можетъ казаться не совсѣмъ подходящимъ дѣломъ, стрѣльба, Анастасу — священнику, но онъ здѣсь названъ безъ сомнѣнія, какъ умыслитель, глава партіи, стоявшій за сдачу, въ чемъ онъ не могъ быть одинокимъ; рукой же исполнявшей былъ простой воинъ, вѣроятно даже и невѣдавшій что творитъ. Наконецъ, полное подтвержденіе истинности эпизода Анастаса извлекается и изъ сопоставленія древнихъ показаній, а именно изъ разсмотрѣнія крупнаго топографическаго разномыслія въ этомъ отношеніи, между только что показанными словами «Нач. Лѣт.» и «Житіемъ блаж. Волод.» [Обычное житіе]. Въ послѣднемъ говорится, что Анастасъ написалъ на стрѣлѣ совсѣмъ иначе:

---

1) *О Херсонесѣ, Изв. Арх. Ком.* XXI, 166—167.

«*ко кладезю отъ въсточныя страны града въ градъ по трубамъ воды сведены, копавъ перейми я*» [1]). Г. акад. Голубинскій вполнѣ вѣрно замѣтилъ, что значитъ по «Житію» «въ колодецъ или систерну, находящуюся на восточной сторонѣ города, по трубамъ проведены воды» и что здѣсь оказывается разнорѣчіе съ «Нач. Лѣт.», не вѣрно поправившей показаніе «Житія» [2]). Разнорѣчіе очевидно, но укоръ «Нач. Лѣт.» напрасенъ, потому что оба эти показанія вѣрны, блестяще подтверждая взаимно совершенную точность и невыдуманность всего разсказа, все дѣло въ томъ, что они даны съ разныхъ сторонъ, а потому и не одинаковы, будучи каждое по своему вполнѣ точнымъ. Водопроводъ, войдя въ городъ, дѣйствительно сводилъ воды трубами къ систернѣ и эта систерна въ точности находилась на восточной сторонѣ города [3]). Стало быть показаніе «Житія» описываетъ то, что находилось внутри самого города; очевидно, что такое описаніе могло быть дано только Грекомъ и Корсунянином, чѣмъ и подтверждаются вполнѣ опредѣленія нашихъ ученыхъ о томъ кто былъ авторомъ этого «Житія». Но подобное указаніе устройства водопровода не могло быть сдѣлано Владимиру, такъ какъ для него не имѣло никакого смысла знать что дѣлается внутри города, куда онъ не могъ проникнуть и гдѣ не могъ копать. «Нач. Лѣт». указываетъ положеніе водопровода извнѣ города, т. е. доступное Владимиру; слѣдовательно это показаніе не только не ошибочно, но именно оно и есть истинное то, которое стало извѣстнымъ на сторонѣ Руссовъ и которымъ они воспользовались. Грекъ, писавшій «Житіе» много послѣ самаго событія, какъ Корсунянинъ, зналъ объ измѣнѣ Анастаса, зналъ и положеніе водопровода на улицахъ своего родного города, его именно и изобразилъ, не понимая самаго смысла этого дѣла или не вникая въ него. Ему хотѣлось лишь объяснить и оправдать сдачу своего города, для чего онъ и указалъ на неотвратимое событіе—измѣну и изморъ города жаждой; ни единаго болѣе намека о подробностяхъ осады у него нѣтъ, тогда какъ «Нач. Лѣт.» даетъ подробное и точное описаніе всей осады. Во всякомъ случаѣ, указываемое

1) Голубинскій, *Ист. русск. церкви*, I, 227.

2) Голубинскій, *ор. с.*, I, 227.

3) Подробности объ этой систернѣ и ея мѣстѣ, *О Херсонесѣ*, *Изв. Арх. Ком.*, XXI, 86—87.

разногласіе источниковъ служитъ прямымъ и точнымъ подтвержденіемъ съ противной стороны измѣны Анастаса и взятія города жаждой [1]).

Итакъ въ основѣ всего эпизода Анастаса лежатъ два указанія, оба вѣрныя, но различныя, подробностей устройства водопровода въ Корсунѣ; оба они въ точности подтверждены раскопками во всѣхъ подробностяхъ. Въ техникѣ водопроводовъ лѣтописцы существа не понимали, а потому и показывали различно, что и понятно, такъ какъ на Руси ничего подобнаго, до нашихъ дней, никогда не бывало. Это безусловно удостовѣряетъ насъ въ томъ, что въ правдивости подобнаго разсказа не можетъ быть и малѣйшаго сомнѣнія, а между тѣмъ его выпускаютъ не только въ наше время, но уже и въ «Жит. ос. сост.» этого разсказа нѣтъ. Приходится думать, что его знали не многіе или, что его вовсе не было и онъ выду-

---

1) Не лишне будетъ замѣтить, что не только эпизодъ Анастаса, но и многое другое въ «Житіи бл. Волод.» ясно указываетъ на автора Грека, желающаго сократить и смягчить впечатлѣніе лѣтописнаго сказанія въ отношеніи царей. Первый приходъ царскихъ пословъ къ Владимиру, просительный, вовсе не показанъ; ни о какомъ пріемѣ пословъ Владимира въ Царьградѣ и особенномъ для нихъ служеніи патріарха не упомянуто; изо всей осады говорится только о предательствѣ Анастаса, но не забыто долгое стояніе Руссовъ; печаль царей, ихъ упрашиваніе сестры исключены; если не крестится Владиміръ, цари рѣшительно и рѣзко отказываются дать сестру, а не ссылаются на нѣчто отъ нихъ не зависящее, они говорятъ *«не дадимъ»*, тогда какъ въ «Нач. Лѣт.» *«не можемъ дати»*. Мнѣ кажется, что авторъ «Нач. Лѣт.». не позднѣйшій и совершенно ничего изъ «Житія» не заимствовавшій. Всего вѣроятнѣе, что изъ подробнаго, первоначальнаго, русскаго источника заимствовано и «Житіе» и «Нач. Лѣт.», но первое очень кратко, съ тенденціозными поправками, а послѣдняя точно и подробно.

Г. акад. Голубинскій тутъ же въ примѣчаніи [стр. 228, пр. 4] замѣчаетъ, что еслибы были произведены въ Херсонесѣ умѣлыя раскопки, то, можетъ быть, и открыли бы что-либо важное, такъ какъ древніе строители церквей имѣли обычай изсѣкать записи, съ показаніемъ времени построенія и таковая Владимира была бы открытіемъ величайшей важности. Къ несчастью, на нахожденіе чего либо подобнаго, повидимому, надо покинуть надежду. Многолѣтнія [болѣе двадцати лѣтъ], тщательнѣйшія раскопки именно такія, «какъ умѣютъ дѣлать другіе люди», открыли десятки церквей; въ нѣкоторыхъ находили монеты, положенныя въ основу, мощи заложенныя при освященіи церкви, но нигдѣ даже и признака какой-либо записи или надписи о времени построенія не обнаружено, такъ что этотъ обычай на Корсунь не распространялся. Впрочемъ, если удастся показать, что этими раскопками утвердилась безусловная истинность всего лѣтописнаго разсказа объ осадѣ Корсуня, то и это уже будетъ ихъ великой заслугой въ глазахъ историка.

манъ. И то и другое совсѣмъ не вѣроятно, по чрезвычайно рѣшающему значенію этого обстоятельства для взятія города и по совершенному соотвѣтствію съ природою вещей въ Корсуни. Мнѣ кажется, что здѣсь можно принять еще и иное объясненіе, которое и будетъ наиболѣе вѣроятнымъ. Надо думать, что первоначально былъ большой, подробный разсказъ объ осадѣ, составленный очевидцами и участниками, съ такой послѣдовательностью событій и въ такомъ видѣ, какъ то намѣчено предыдущими объясненіями. Позднѣйшіе составители, какъ «Нач. Лѣт.», какъ и «Жит. ос. сост.», стояли далеко по времени отъ взятія Корсуня, въ которомъ они уже не видѣли чего-либо чрезвычайнаго и не находили надобнымъ повторять длинный разсказъ съ мелкими, незначительными по ихъ мнѣнію, и даже малопонятными для нихъ подробностями о давно бывшей осадѣ. Поэтому списывая, сокращали, сохраняя лишь то, что каждому изъ нихъ казалось достаточнымъ для пониманія существа дѣла. Для связи имъ приходилось нѣкоторыя выраженія удерживать и изъ пропущеннаго, а это выдаетъ самый пріемъ, замѣчаемый при сравненіи эпизодовъ осады «Жит. ос. сост.» съ «Нач. Лѣт.» Въ первомъ сразу же видно, что для составителя походъ подъ Корсунь и его осада второстепенны и онъ ихъ значительно сокращаетъ. Всѣ подробности похода и указанія мѣста стоянки подъ Корсунемъ, столь важныя и правдивыя, опущены совсѣмъ; сказано только «*осади градъ, и стоя 6 мсцъ*», но вѣдь походъ былъ и станъ также, ихъ не могъ не знать, въ какой ни на есть формѣ, составитель. Затѣмъ угроза Владимира стоять и болѣе трехъ лѣтъ, также выпущена, но тоже несомнѣнно была извѣстна составителю «Житія», такъ какъ приводимый имъ совѣтъ Жльберна, есть явный отвѣтъ на угрозу, такъ сказать повторяющій ея слова: простоишь и три года, а всетаки не возьмешь. Жльбернъ будто бы сообщалъ, что проносятъ *питіе* и *кормъ*, но проносить питье почти невозможно и навѣрно этого не дѣлали, не только здѣсь, но и нигдѣ. Человѣку надобно, приблизительно, по вѣсу, въ десятеро больше питья чѣмъ корма; кромѣ того, для проноса питья не обойтись безъ крайне неудобной, ломкой посуды, которую приходится передвигать съ особой осторожностью, чего не было въ данныхъ условіяхъ тайнаго и труднаго проноса; а главное въ питьѣ не было никакой надобности, такъ какъ оно получалось въ городѣ по водопроводу. Очевидно,

что *питіе* «Житія ос. сост.» поставлено не на своемъ мѣстѣ и только для того, чтобы указать сразу на возможное наступленіе съ голодомъ и жажды, гораздо болѣе важной и менѣе предотвратимой, чѣмъ голодъ. Но съ прекращеніемъ проноса корма и даже питья, никакъ въ городѣ, гдѣ еще былъ не тронутый водопроводъ, не могла возникнуть жажда. Наконецъ, въ томъ же «Житіи ос. сост.» говорится, что для прекращенія проноса корма и прорыва блокады Владимиръ, будто бы, велѣлъ *земляной путь прекопати*, но выше показано, что по самому смыслу дѣла это совсѣмъ невѣроятно и ни къ чему послужить не могло; такое указаніе есть тоже простое заимствованіе, не у мѣста поставленное, взятое изъ конца эпизода Анастаса, гдѣ, какъ и слѣдуетъ, перекопаніе *воднаго протока* вполнѣ естественно и цѣлесообразно. До чего здѣсь ясны сокращенія и заимствованія видно изъ показанія самого же «Жит. ос. сост.», гдѣ сказано, что городъ, послѣ перекопанія пути, лишившаго его не только корма, но и питья, всетаки держится еще три мѣсяца. Если такой срокъ возможенъ въ отношеніи корма, который могъ быть въ запасахъ и былъ, то это совершенно немыслимо въ отношеніи воды, которую нельзя запасти на 3 мѣсяца[1]). Значитъ, показаніемъ 3 мѣсяцевъ «Жит. ос. сост.» подтверждаетъ существованіе водопровода, извѣстнаго составителю, но непонятаго имъ. Въ то время, по незнанію водопроводной техники, естественно было на Руси думать, что питье само не прихо-

1) Предполагаютъ, что Корсунь, какъ видно по раскопкамъ, обиловалъ цистернами и значитъ могъ имѣть большіе запасы воды [Завитневичъ, *Владимиръ Св., отд. отт.*, 95]. Дѣйствительно, найдено очень много ямъ, обложенныхъ камнемъ и обмазанныхъ водоупорнымъ составомъ, цемянкой, но въ таковыхъ много разъ находили остатки соленой рыби [хамсы—родъ сардинки] и зернового хлѣба, къ тому же всѣ эти ямы совершенно открытыя сверху. Все это дѣлаетъ невѣроятнымъ предположеніе о назначеніи ихъ для воды, которая такъ не могла долго сохраняться, грязнясь и портясь. Имѣя свѣжую воду изъ водопровода, никто не захочетъ пить затхлую изъ ямъ, а наполнять таковыя на случай надобности могущей появиться, быть можетъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, тоже никто не станетъ. Да и очень мало вѣроятія для знающихъ ничтожность корсунскихъ водныхъ источниковъ, чтобы воды было такъ много, что можно было дѣлать запасы сверхъ дневнаго потребленія. Настоящая систерна пока открыта только одна, именно на восточной сторонѣ, изо всѣхъ раскопокъ, объемомъ около 4 — 5 тысячъ ведеръ; воды изъ нее могло хватить на два-три дня, если она была полна въ моментъ отрѣзыванія водопровода.

дить, а можетъ лишь проноситься, въ такомъ смыслѣ и поправленъ, неудачно, первоисточникъ.

Обратившись къ «Нач. Лѣт.», несравненно болѣе точной и подробной, мы видимъ, что и она избѣгаетъ опредѣленнаго показа продолжительности осады, быть можетъ потому что не хотѣла обнаружить этимъ слабую успѣшность дѣла веденнаго ея героемъ. Однако, косвенныя указанія этой продолжительности всетаки сохранились и здѣсь, какъ показано выше въ объясненіяхъ 4-го момента осады. «*Изнемогаху въ градѣ*», говоритъ лѣтопись, недосмотрѣвъ, что о продолжительности осады приведшей къ изнеможенію упустила сказать. Вслѣдъ за тѣмъ выходитъ, что изнеможенные жители все таки не послушали угрозъ и не сдались; это остается безъ объясненія, но очевидно, что причина тому была въ эпизодѣ разсказанномъ Жльберномъ, т. е. въ прорывѣ блокады, эпизодѣ пропущенномъ, но извѣстномъ составителю «Нач. Лѣт.». Въ показаніи Анастаса лѣтопись говоритъ, что водопроводъ идетъ отъ востока, что совершенно нелѣпо по мѣстнымъ условіямъ и подобная ошибка прямо невѣроятна у такого знатока мѣстныхъ условій, какимъ былъ первый составитель лѣтописи; въ этомъ указаніи надо видѣть простую перестановку, взятую позднѣйшимъ составителемъ изъ показаній Жльберна о проносѣ корма, гдѣ путь отъ востока вполнѣ вѣренъ и умѣстенъ[1]).

Итакъ, составитель «Жит. ос. сост.» зналъ эпизодъ Анастаса, а составитель «Нач. Лѣт.». эпизодъ Жльберна, но вѣроятно, каждый изъ нихъ думалъ, что это одно и тоже, а потому, сохраняя одинъ изъ разсказовъ пополнялъ по соображенію выраженіями, взятыми изъ выпускаемаго разсказа. Счесть одинаковыми эти эпизоды, столь различные по существу и въ особенности по послѣдствіямъ, было тѣмъ легче, что тотъ и другой начинались извѣстіями на стрѣлѣ; это же обстоятельство, мнѣ кажется, и нынѣ даетъ поводъ выбирать между ними, но уже сказано, какъ была естественна, часта и обыкновенна въ тѣ времена передача на стрѣлѣ.

Не сомнѣваюсь, что и эпизодъ съ присышью [приметомъ] къ стѣнѣ, пропущенный «Жит. ос. сост.», былъ также извѣстенъ его составителю

1) Шахматовъ, *ор. с.* 111; изъ «Сл. о томъ како кр. Влад.».

и не помѣщенъ имъ, вѣроятно, по неуспѣшности самого дѣла. «Жит. ос. сост.» говоритъ, что послѣ прекращенія прорыва блокады Владимиръ стоялъ еще 3 мѣсяца, но не могъ же онъ стоять ничего не дѣлая.

Общій выводъ изъ всего сказаннаго будетъ слѣдующій: превосходное, тонкое до мелочей знаніе мѣстныхъ условій, отчетливо показываетъ, что всѣ эпизоды осады, какъ «Жит. ос. сост.», такъ и «Нач. Лѣт.» не вымышлены, а дѣйствительно случились и записаны очевидцами близко стоявшими у дѣла и хорошо его понимавшими; стало быть, показанія всѣхъ этихъ источниковъ пополняютъ, а не замѣняютъ другъ друга. Порядокъ эпизодовъ будетъ именно вышепоказанный, что опредѣляется совершенно понятной и неизбѣжной военно-исторической и топографической логикой. Сводя къ одному мѣсту показанія этихъ источниковъ, нѣсколько пополнивъ ихъ указаніемъ Никоновской лѣтописи, весь разсказъ объ осадѣ Корсуня въ его наиболѣе подробномъ видѣ [говорю о существѣ, а не о формахъ языка, которыхъ не смѣю касаться] будетъ таковъ:

«В лѣто 6496 [1]), кънязь же Владимиръ въбързѣ събьра воя своя, Варягы и Словѣны и Кривичѣ и Българы Чрныѣ [3]) иде на Корсунь, градъ Гречьскій, и затворишася Корсуняне въ градѣ; и ста Володимеръ объ онъ полъ града в лимени, дали града стрѣлище едино [1]) или мало вяще [2]), і осади град [3]). И боряхуся крѣпко изъ града [1]), Володимеръ же много тружався, не успѣваша ничтоже [2]), и стоя 6 мсцъ [3]). И, страшаше имъ [2]), рече Володимеръ къ гражаномъ: «аще ся не вдасте, имамъ стояти и за 3 лѣта». Они же не послушаша того [1]). Бысть же в том граде муж Вареженин [4]) именемъ Жбернъ, і написавъ на стрелѣ і пустив в полкъ Варягом и рече донесите стрѣлу сию кнзю Владимеру, і написано на стрелѣ, гсдрю кнзю Владимеру, приятель твои Ижбернъ [3]) великоу сягоу имѣетъ к тебѣ, и семь ти възвѣщаю [4]): аще стоиши ты с силою под градъмь годъ или дъва или три [3]) не имаше гладъмь истомити Корсоуня [4]), корабльници бо приходятъ потьмь земляньмь [с шитиемь и] с кърмъмь въ градъ [3]), есть же поуть тъи оу твоего воиньства отъ въстока [5]). Кънязь же Владимиръ, оувѣдѣвъ поуть тъи Варяжинъмь по-

велѣ копати пут земляныи людиамъ [3]). И не истомишася гладъмь Корсуняне [4]). Володимеръ же изряди воа своа и повелѣ приспу сыпати къ граду. Симъ же спущимъ Корсуняне [1]), тайно извнутрь града [2]) подъкопавше стѣну градьскую, крадуще сыплемую персть [1]). Елико же ратніі сыпляху [землю вровъ] толикожъ гражане тайно крадяху у нихъ землю [2]) и ношаху к собѣ в градъ, сыплюще посредѣ града; воини же присыпаху боле, а Володимеръ стояше [1]) зря удивляшеся, яко ничтоже успеваху сыплюще [2]). И, по трьхъ мѣсяцихъ [3]), се мужь Корсунянинъ стрѣли, имянемъ Настасъ, написавъ сице на стрѣлѣ: «кладязи, яже суть за тобою [отъ въстока], ис того вода идеть по трубѣ, копавъ переими». Володимеръ же се слышавъ... И ту абье повелѣ копати прекі трубамъ, и преяша воду; людье изнемогоша водною жажею и предашася [1]) [6]).

Разсмотрѣвъ описаніе осады Корсуня, слѣдуетъ коснуться вопроса о томъ, кто могъ быть первоначальнымъ его составителемъ. Этотъ вопросъ въ отношеніи всей Корсунской легенды историки рѣшаютъ весьма различно; въ эти рѣшенія входитъ, какъ одна изъ составныхъ частей легенды и осада Корсуня; только объ этой части я и позволю себѣ высказать свое мнѣніе и то лишь съ военно-описательной точки зрѣнія. Предполагаютъ первоисточникомъ всей легенды описаніе [одно или нѣсколько] составленное, по мнѣнію однихъ Грекомъ, другихъ Русскимъ, Корсунянином или Кіевляниномъ. Столь близко не рѣшусь указывать въ отношеніи самой осады, могу лишь съ совершенной несомнѣнностью утверждать, что все ея описаніе, во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ, отчетливо показываетъ, что его составляли *осаждающіе*, а не *осажденные*. Выражаясь современными понятіями, это краткая, но, вѣроятно, полная и несомнѣнно точная выборка изъ походнаго и осаднаго журналовъ Владимирова штаба, и ничего болѣе. Конечно, все это составлено по свѣжей памяти и вѣроятно

---

1) Лаврентьевская, *изд.* 1872 г.
2) Никоновская, *изд.* 1767.
3) *Жит. ос. сост. Ак. Н.*
4) *Жит. ос. сост.*, Публ. Библ.
5) *Сл. о т. како кр. Влад.*
6) Слова въ скобкахъ явно невѣрно вставлены.

Русскимъ, но возможно, что этимъ занимался Грекъ и даже Корсунянинъ, однако бывшій на сторонѣ Владимира и вмѣстѣ съ нимъ. Послѣднее не кажется мнѣ вѣроятнымъ; Грекъ, а тѣмъ болѣе изъ Корсуня, не выдержалъ бы, чтобы не сказать чего либо въ смыслѣ претерпѣнныхъ бѣдствій осажденными, какъ на то сдѣланъ слабый намекъ въ «Жит. бл. Влад.», явно составленномъ Грекомъ. Въ «Нач. Лѣт.» и «Жит. ос. сост.», заимствовавшихъ все изъ русскихъ первоисточниковъ и невидѣвшихъ надобности исправлять ихъ въ смыслѣ благопріятномъ для Корсуня, ничего подобнаго и неусматривается.

Послѣ всѣхъ сдѣланныхъ выше объясненій можно представить съ достаточной ясностью походъ на Корсунь и его осаду. Излагая выраженіями современнаго пониманія этихъ дѣлъ можно всему этому дать такое краткое описаніе.

Владимиръ, собравъ поспѣшно отборную дружину, около шести-восьми тысячъ, изъ служившихъ ему Варяговъ и разныхъ подвластныхъ народовъ, пришелъ съ нею въ устье Днѣпра, гдѣ и прождалъ до конца лѣта, почти. Годъ этого похода, силы дружины, причины похода, ожиданія и осады Корсуня, однимъ словомъ, введеніе этого событія въ кругооборотъ мировой политики будутъ показаны далѣе. Приблизительно, въ началѣ августа, неожиданно сложившіяся обстоятельства вынудили Владимира осадить Корсунь, для чего онъ собралъ достаточныя развѣдочныя данныя, указавшія подробно и хорошо мѣстныя условія Корсуня и относительное значеніе частей его укрѣпленій. Послѣ того, выступивъ морскимъ походомъ на лодьяхъ, идя вдоль Крымскаго прибрежья, Владимиръ подходилъ къ Корсуню прямо съ сѣвера. Пользуясь добытыми свѣдѣніями, съ большой отвагой и превосходнымъ пониманіемъ наилучшаго положенія для себя и наиболѣе опаснаго для Корсуня, Владимиръ съ дружиной ворвался въ портъ города, нынѣ Карантинную бухту, захвативъ его, а вмѣстѣ съ нимъ и морскія средства города. Сталъ онъ въ глубинѣ бухты, гдѣ и расположилъ дружину станомъ, въ удобнѣйшемъ мѣстѣ, укрытомъ отъ всѣхъ вѣтровъ, изобильно снабженномъ водою и находившемся внѣ выстрѣловъ и взоровъ со стѣнъ города. За этимъ блестящимъ началомъ, однако, не послѣдовало скорое взятіе города. Совершенное незнакомство Владимира съ военной техникой, отсутствіе у него осадныхъ орудій, умѣнья ихъ

построить и ими управляться не могло быть возмѣщено никакимъ мужествомъ и отвагой въ томъ случаѣ, когда дѣло шло о непреодѣлимой для голыхъ рукъ преградѣ въ видѣ прекрасныхъ, высокихъ и прочныхъ стѣнъ культурнаго города. Пришлось возложить единственную надежду на взятіе города изморомъ, для чего онъ и былъ обложенъ съ суши. Въ этомъ отношеніи обстоятельства сложились неблагопріятно, потому что осада подошла къ тому времени года, когда городъ успѣлъ уже собрать весь свой урожай и ввезти къ себѣ все надобное на полгода и болѣе, а слѣдовательно онъ могъ безопасно и упорно отсиживаться, въ разсчетѣ на помощь извнѣ.

Послѣдовавшее затѣмъ долгое стояніе подъ стѣнами города дружины, въ осень и зиму, съ неизбѣжными послѣдствіями, болѣзней и голоданія, все болѣе и болѣе утомляли и разстраивали ее. Въ эту пору, для поддержанія боевого духа дружины и для всякой добычи, особенно продовольствія, конечно, дѣлались набѣги на окрестныя горныя страны Тавриды, о чемъ скажу еще и далѣе. Но все это не ускоряло осады и всегда нелюбимая сторожевая служба, и безъ того неважная, стала вестись столь плохо, что горожане смогли завязать сношенія извнѣ и пользуясь хорошимъ знаніемъ мѣстныхъ условій получали продовольствіе со стороны, черезъ большую бухту [нынѣ Севаст. рейдъ]. Владиміръ терялъ терпѣніе, грозилъ стоять безъ конца, но это не помогало и городъ не думалъ сдаваться. Такъ могло бы продолжаться очень долго, но дѣло исправило случайное сообщеніе, какого то Варяга изъ города, указавшаго Владиміру путь, по которому проносили продовольствіе, а затѣмъ не трудно уже было и прекратить это. Впрочемъ осада и послѣ того не подвинулась, и городъ продолжалъ держаться, очевидно имѣя большія запасы. Тогда Владиміръ попробовалъ единственный, доступный ему способъ дѣйственной осады города: онъ сталъ приметывать къ городской стѣнѣ землю, разсчитывая по ней послать дружину на приступъ. Но не зѣвали и Корсуняне, упорно защищавшіеся съ самаго начала; они проломали стѣну внизу насыпи и выбирали ее снизу такъ, что она не выростала. Невѣжественные храбрецы изумлялись, ничего не понимали, упорствовали и, наконецъ, бросили, и тутъ не достигнувъ успѣха.

Трудно сказать, чѣмъ бы кончилась осада; очень возможно, что съ наступленіемъ весны и прибытіемъ хотя бы незначительнаго подкрѣпле-

нія городу, ее пришлось бы снять. Но счастье и удача были на сторонѣ Владимира. Общее политическое положеніе вещей близъ Царьграда дѣлало немыслимымъ посылку въ ту пору какого бы то ни было подкрѣпленія оттуда, а въ самомъ городѣ, нашелся предатель, указавшій Владимиру жизненную артерію города, его водопроводъ. Перекопать линію трубъ было нетрудно и городъ, лишенный воды, запасы которой у него были ничтожны, вынужденъ былъ сдаться, изнемогая отъ жажды. Случилось это послѣ девятимѣсячной осады, около конца апрѣля слѣдующаго года.

Во всей этой осадѣ мы видимъ у Руссовъ знакомую, впредь всегдашнюю картину: большую отвагу, ведшую очертя голову на трудное, неносильное дѣло, терпѣливую выносливость, преодолѣніе всяческихъ трудностей и вмѣстѣ съ тѣмъ совершенное военно-техническое невѣжество. Выручило счастье, а можетъ быть и воля Провидѣнія.

Для большей ясности дѣла приходится ввести осаду Корсуня въ кругооборотъ тогдашней политики, а потому слѣдуетъ разсмотрѣть отношеніе этого событія къ соприкасающимся съ нимъ ходомъ жизни въ сопредѣльныхъ странахъ.

Установленіе совершенной точности, достаточной полноты и ясности всего разсказа «Нач. Лѣт.» объ осадѣ, дѣлаетъ эту ея часть такимъ опредѣленнымъ историческимъ документомъ, къ которому никакъ нельзя отнестись пренебрежительно и чтобы то ни было изъ него исключить. Съ нимъ необходимо считаться не прилаживая его, съ помощью разныхъ перемѣнъ, къ чужеземнымъ показаніямъ, да и съ таковыми, на сколько мнѣ кажется, получается совершенное согласованіе.

Годъ взятія Корсуня «Нач. Лѣт.» опредѣляетъ точно, а именно $6496 = 988$; но о взятіи того же города есть и косвенный, безъ точнаго, года случайно сдѣлавшій намекъ Льва Діакона. Изслѣдованія Васильевскаго, и бар. Розена привлекшія къ рѣшенію этого вопроса восточныхъ писателей, показали, что небесное знаменіе [сѣверное сіяніе] предвѣщавшее, по мнѣнію Льва Діакона, земныя бѣды въ томъ числѣ и взятіе Корсуня, показалось 7-го апрѣля; другое [комета] указавшее слѣ-

дующія несчастья, явилось 28-го іюля; оба въ 989 году. Стало быть Корсунь, по Льву Діакону взятъ послѣ перваго знаменія и ранѣе второго, между апрѣлемъ и іюлемъ 989 года, а не въ 988 г., какъ говоритъ «Нач. Лѣт.»; въ концѣ іюня полагаютъ бар. Розенъ и Ѳ. И. Успенскій [1]). Оставалось выбирать между этими числами, опредѣленіемъ «Нач. Лѣт.» или Льва Діакона, а такъ какъ лѣтописныя показанія вокругъ этого вопроса, какъ бы несомнѣнно стали признаваться почти что сплошнымъ вымысломъ, да и дѣйствительно заключаютъ въ себѣ нѣкоторыя числовыя несогласованія и трудно пріемлемыя многоглаголанія, то ихъ всѣ отбрасываютъ и признается, что Корсунь былъ взятъ въ 989 году. Отъ этой отправной точки идутъ опредѣленія времени иныхъ событій, связанныхъ съ осадой, крещеніе Руси въ томъ числѣ. Къ этому же сроку подгоняются и всѣ событія предшествовавшихъ лѣтъ, не имѣя на то особыхъ данныхъ.

Кажется наиболѣе полное въ такомъ смыслѣ толкованіе всего этого заключается въ новѣйшей статьѣ г. Сркули, оно состоитъ въ слѣдующемъ [2]). Признавъ временемъ взятія Корсуня лѣто 989 года, становится необходимымъ согласовать это показаніе съ иными прочно установленными фактами; главнѣйшимъ изъ нихъ оказывается пребываніе въ Византіи вспомогательнаго отряда Руссовъ, посланнаго Владимиромъ въ Царьградъ, еще съ осени или даже лѣта 988 года, т. е. ранѣе взятія Корсуня, по Льву Діакону. Послать царямъ на помощь большой отрядъ отборныхъ людей, имѣвшій самое крупное значеніе при одержаніи двухъ рѣшительныхъ побѣдъ, утвердившихъ владычество царей и тутъ же, къ ряду послѣ того осаждать и взять ихъ же городъ, послѣдованіе событій трудно мыслимое. Для объясненія этого обстоятельства дѣлается такого рода предположеніе: Владимиръ заключилъ тайный договоръ съ царями, въ силу котораго онъ долженъ былъ креститься и послать вспомогательный отрядъ, за что получалъ субсидію и руку царевны Анны, сестры царей. Исполнивъ договоръ съ своей стороны, крестившись иославъ войска на помощь, узнавъ о

---

1) Васильевскій, *Къ исторіи 976—986 годовъ*, *Ж. Мин. Нар. Пр.*, *мартъ*, 140—146, 156—157; Бар. Розенъ, *Имп. Вас. Болгаробойца*, 215, Успенскій; *Вас. Болгар.*, *рецензія*, *Ж. Мин. Нар. Пр.*, *1884*, *апрѣль*, *313*.

2) St. Srkuli, *Drei Fragen aus der Taufe des heil. Wladimir*, *Arch. f. sl. Phil.* 1907, XXIX, 268—280.

конечномъ пораженіи мятежнаго Варды Фоки, съ помощью его же отряда, Владимиръ все еще долго ждалъ пріѣзда къ нему царевны но недождавшись рѣшилъ вынудить у Василія II исполненіе договора силою, которую и показалъ осадивъ и взявъ Корсунь, стращая царей дальнѣйшими бѣдствіями, на эту угрозу тѣ и сдались.

Эти предположенія кажутся возможными пока заключаются лишь въ разсказѣ, но если къ нимъ приложить мѣрку времени и сообразный съ нимъ анализъ, дѣло будетъ инымъ.

Предполагается, что договоръ съ царями заключенъ Владимиромъ въ концѣ 987 г. въ Кіевѣ. Въ слѣдующую весну посланъ вспомогательный отрядъ Руссовъ. Лишь весной 989 года [13-го апрѣля], что извѣстно совершенно точно, произошло окончательное пораженіе Варды Фоки въ сраженіи подъ Абидосомъ съ участіемъ Руссовъ[1]). Владиміръ довѣрчиво относящійся къ греческимъ обѣщаніямъ, дающій въ распоряженіе Грековъ свой отборный, большой отрядъ, терпѣливо выжидающій полтора года обѣщанной царевны, въ тоже время избавляющій царей отъ опасности, ставящій ихъ въ положеніе вовсе не нуждаться ни въ немъ, ни въ его войскахъ, и все это безъ вознагражденія, едва ли будетъ правдивымъ историческимъ лицомъ. Онъ начинаетъ обнаруживать нетерпѣніе лишь послѣ апрѣля 989 года [Абидосская битва]; напоминаетъ объ исполненіи условія, ведетъ переговоры и ждетъ долго, какъ говоритъ авторъ[2]). Все это должно было занять не мало времени. Узнать въ Кіевѣ о происшедшемъ на Босфорѣ, начать изъ Кіева переговоры, ждать ихъ выясненія, а тѣмъ болѣе пріѣзда царевны и все это успѣть сдѣлать въ теченіе двухъ мѣсяцевъ остающихся до іюля явно невозможно, а затѣмъ еще приходится пойти и взять Корсунь. Явилась необходимость въ предположеніи ускоренія всего, для чего мѣняется мѣстопребываніе Владимира. Предполагается, что онъ, отправивъ вспомогательный отрядъ, весной 988 года, самъ пошелъ въ Тмутаракань. Тамъ, конечно, было ближе къ Царьграду или Корсуню, чѣмъ изъ Кіева, но кромѣ простой возможности для такого предположенія нѣтъ какого-либо основанія, а выше уже сказано,

---

1) Бар. Розенъ, op. c., 25, 406.
2) Srkulj, *op. c.*, 268—269.

какъ невѣроятно удаленіе Владимира въ Тмутаракань въ это время. Находясь въ договорныхъ отношеніяхъ съ Василіемъ, войдя въ кругъ міровой политики, отдавъ свою лучшую дружину, самому Владимиру уйти изъ средоточія своихъ силъ и средствъ, забраться въ глухой уголъ, отрѣзанный пустынными странами съ враждебнымъ бродячимъ населеніемъ и въ лучшемъ случаѣ доступный не болѣе полугода, едва ли допустимо. Но и такое предположеніе улучшаетъ дѣло не много. Какъ бы скоро не сносился Владимиръ съ Царьградомъ все же пришлось два, три раза обослаться и ждать не мало; во всякомъ случаѣ, ранѣе іюня и даже конца его, по условіямъ морского плаванія, онъ не могъ расчитывать увидѣть царевну. Только послѣ того, не дождавшись, увѣрившись, что его обманываютъ, онъ могъ рѣшиться употребить силу. Но вѣдь таковую онъ отдалъ уже Грекамъ, другую надо было еще собирать или значительно усиливать, соотвѣтственно неожиданно явившемуся рѣшенію; затѣмъ, собранную дружину организовать для морского похода и, наконецъ, дойти съ нею до Корсуня. На все это уже никакого времени не остается, въ лучшемъ случаѣ нѣсколько дней, со взятіемъ города включительно. Значитъ Владимиръ даже изъ Тмутаракани могъ только съ малыми силами его личной охраны прійти, увидѣть и побѣдить. Но какъ ни мало вѣры заслуживаютъ лѣтописныя показанія, все же они всѣмъ существомъ своимъ говорятъ о нелегкомъ и не скоромъ взятіи Корсуня и это тѣмъ примѣчательнѣе, что обратное, т. е. быстрота, особенно отвѣчаетъ и была бы умѣстна въ предполагаемыхъ здѣсь сказочныхъ вымыслахъ, если допустить таковыя. Явная медленность осады по лѣтописи, лучшее доказательство отсутствія сказочности въ разсказѣ о ней. Естественно и само собой понятно, что войска нерасполагающія никакими осадными средствами, не могли скоро взять городъ съ прекрасными стѣнами; простоять подъ нимъ приходилось очень долго. Еще важнѣе будетъ здѣсь иное. Собираясь напасть на Корсунь, надо было подумать въ какомъ положеніи окажется вспомогательный отрядъ уже брошенный въ среду византійцевъ, могшихъ его уничтожить въ отмѣстку. Вѣдь все это были не что иное какъ заложники и большое число ихъ нисколько дѣла не улучшало. Разбросать отрядъ мелкими частями; всячески затруднить снабженіе продовольствіемъ или даже вовсе лишить его; предательски напасть на нихъ; перетравить, чѣмъ ни попало,

хотя бы питьевой водой; на все это весьма способны были Греки и Владимиръ не могъ этого не знать, потому что и самъ поступилъ бы не иначе.

Надо думать въ виду возможности такихъ соображеній, пришлось сдѣлать еще предположеніе [1]). Допускается, что Корсунь взята Владимиромъ по тайному согласію и даже побужденію на то самихъ царей, желавшихъ этимъ показать общественному мнѣнію сколь страшенъ сей варваръ и тѣмъ объяснить крайнюю необходимость всячески ублажить его, даже жертвуя порфирородной сестрой. Однако, тогда еще ранѣе на царство обрушилось столько величайшихъ бѣдъ, что для его спасенія оправдывались всяческія мѣры, до призыва варваровъ и родства съ ними включительно; взятіе Корсуня становилось ничтожнымъ булавочнымъ уколомъ, сравнительно говоря, совсѣмъ излишнимъ для возбужденія общественнаго мнѣнія, которое въ ту минуту тѣмъ менѣе могло быть возбуждено, что находилось подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ только что происшедшаго полнаго разгрома возстанія Варды Фоки и возвращенія побѣдоноснымъ царямъ отпавшей М. Азіи. Всѣ соображенія о привлеченіи общественнаго мнѣнія были несравненно настоятельнѣе во время заключенія договора, полутора годами ранѣе, однако, его заключили предлагая царевну и не отдавая Корсуня, и вовсе нельзя предполагать, что тогда уже думали его неисполнить и получить къ тому возможность. Предательство Анастаса будто бы и было слѣдствіемъ такого тайнаго условія, такъ что и посланъ онъ былъ царями. Такимъ образомъ, изъ сказочной лѣтописи все же заимствуется эпизодъ съ Анастасомъ, за явностью вымысла вовсе выброшенный въ сводѣ Корсунской легенды; даже самъ Анастасъ становится, какъ бы оффиціальнымъ предателемъ. Едва ли что либо подобное могло произойти въ дѣйствительности. Предательство своего же города царями, хотя бы и византійскими, трудно понимается, тѣмъ болѣе послѣ побѣднаго торжества, но если оно и предполагалось все же Анастаса не къ чему было посылать въ Корсунь. Вѣдь городъ, въ виду тайны, не могъ знать, что его будутъ осаждать въ шутку и съ предателемъ могъ поступить очень сурово. Само предательство, вообще говоря, не легко осуществить изъ города, въ особенности въ короткій срокъ нѣсколькихъ дней и если оно было неизбѣжно,

1) Srkulj, *op. c.*, 269.

то прямое мѣсто Анастасу не въ городѣ, а въ дружинѣ Владимира; пріѣдя съ нею подъ городъ онъ и могъ показать водопроводъ пальцемъ, въ первый же день, не рискуя быть пойманнымъ горожанами или не понятымъ Владимиромъ, когда посылалъ ему справку на стрѣлѣ. Наконецъ, зачѣмъ же было столь добросовѣстному предателю бѣжать потомъ подъ защиту Владимира, какъ поступилъ Анастасъ, ему слѣдовало прямо идти въ Царьградъ за наградой.

Полагаю всѣ эти предположенія невозможными, какъ по ихъ существу, такъ и по очевидному недостатку времени для исполненія. Къ тому же, подогнавъ время, во всемъ этомъ разсказѣ все таки остается полное несогласіе въ самомъ существѣ событій, со всѣми извѣстными ихъ описаніями у арабскихъ [Яхъя, Ал-Макинъ, Ибн-ал-Атиръ], армянскихъ [Асохикъ], и византійскихъ [Зонара, Кедринъ] писателей. Всѣ они одинаково другъ съ другомъ указываютъ такую совершенно естественную послѣдовательность: заключается договоръ, Владиміръ крестится, вѣнчается съ царевной и уже послѣ всего посылается вспомогательный отрядъ. Въ указанныхъ же предположеніяхъ Владиміръ крестится, даетъ вспомогательный отрядъ и лишь послѣ долгаго ожиданія, наконецъ, вѣнчается съ царевной; совсѣмъ иная послѣдовательность, въ которой Владиміръ играетъ роль обманутаго простачка, съ чѣмъ весьма трудно примириться.

Кромѣ иной послѣдовательности, Яхъя, а съ него и Ал-Макинъ, прямо свидѣтельствуютъ, что царь началъ переговоры, когда Руссы были врагами, но въ 987 году никакой видимой вражды, т. е. войны между Руссами и Греками не было; со временъ Святослава миръ не нарушался. Высказывалось предположеніе о возможности въ походѣ Владимира на Болгаръ 985 гооа (6493) видѣть Болгаръ Дунайскихъ, а отсюда получалась возможность участія Руси въ бою противъ Грековъ близъ Срѣдца и стало быть взаимной вражды. Но лѣтопись, говорящая о болгарскомъ походѣ 985 года, прибавляетъ, что Владиміръ возвратился въ томъ же году въ Кіевъ, слѣдовательно не могъ быть подъ Срѣдцемъ въ 986 г. Почти такое же мнѣніе ограничиваетъ побѣды Владимира 985 года сѣверной Болгаріей безъ участія въ бою при Срѣдцѣ [1]), но въ такомъ случаѣ онъ

1) Голубинскій, *Ист. Русск. Церкви*, 2-е *изд.*, I, 167, *примѣч.*

является естественнымъ союзникомъ Грековъ, а не ихъ врагомъ. Болгары Дунайскіе были давно знакомы Руси; въ дружинѣ Владимира навѣрно были воины, бывавшіе съ Святославомъ въ этой Болгаріи, поэтому глубокомысленная шутка Добрыни, едва ли сюда прйложима, какъ замѣчалъ Карамзинъ. Ее могли сказать о народѣ мало извѣстномъ, съ котораго дани еще не брали, а Дунайскую Болгарію Святославъ считалъ срединой своей земли. Въ этомъ походѣ, въ связи съ лодьями Владимира, шли берегомъ Торки, чему лѣса береговъ Волги не могли быть неодолимымъ препятствіемъ. Но походъ тѣхъ же Торковъ, изъ придонскихъ степей на Дунай, съ переправой черезъ многія огромныя рѣки и сквозь становища враждебныхъ Печенѣговъ, едва ли возможенъ; во всякомъ случаѣ тогда совершенно невозможно думать о непремѣнной и неизбѣжной связи во время похода обоихъ отрядовъ, лодейнаго и сухопутнаго. Мнѣ кажется яснымъ, что этотъ походъ былъ противъ Волжскихъ Болгаръ[1]), такъ что вражду Грековъ съ Владимиромъ, указанную арабскими источниками, надобно искать въ чемъ-либо иномъ, а не въ этомъ походѣ. Бар. Розенъ пояснялъ, что у Яхъи выраженіе «*а они его враги*» не значитъ непремѣнно, что въ то время между Руссами и Греками шли военныя дѣйствія, но это могло быть[2]). Все же крайне удивительное обстоятельство, обращеніе къ врагамъ за помощью, остается безъ объясненія, которое и невозможно при допущенной выше послѣдовательности событій.

Сверхъ того, разсматривая всѣ стороны этого вопроса, недостаточно сохранить естественную послѣдовательность событій, а приходится обратить вниманіе еще и на время года, потому что во всемъ этомъ неизбѣжны морскія сообщенія, не всегда доступныя. Напр., г. акад. Голубинскій, столь вѣрно почитающій возможность посылки вспомогательнаго отряда ранѣе взятія Корсуня не постигаемой, также полагаетъ, что тайное крещеніе было въ 987 году, а взятіе Корсуня не позднѣе начала 989 г., такъ чтобы помощь царямъ могла быть оказана уже къ началу апрѣля [Абидосская битва была 13-го апрѣля]. Хотя послѣдованіе событій

---

1) Подробнѣе П. Голубинскій, *Объ Узахъ и Торкахъ*, *Ж. Мин. Нар. Пр.*, 1884, *іюль*, 10—12; Завитневичъ, *Владиміръ Св.*, 38—44, 51.

2) Бар. Розенъ, *ор. с.* 195.

здѣсь и естественное, но осуществленіе ихъ истинно невѣроятно, такъ какъ въ началѣ года, до апрѣля, даже одиночныя сообщенія по Черному морю для переговоровъ, безъ которыхъ дѣло не могло статься, крайне трудны и долги, а переправа цѣлой дружины въ это пору года и вовсе невозможна. Къ тому же даже и это дѣла не выяснить, потому что дружина Руссовъ была въ Царьградѣ не только къ началу апрѣля, но и много ранѣе, участвуя въ первомъ бою подъ Хрисополемъ, тоже бывшемъ послѣ того какъ Владиміръ сталъ зятемъ царей [1]). Когда именно было сраженіе подъ Хрисополемъ точно не опредѣлено, но оно должно было произойти значительно ранѣе Абидосскаго, по малой мѣрѣ на столько, чтобы, вспомогательный отрядъ успѣлъ оправиться послѣ перваго боя и дойти подъ Абидосъ. Но этого мало. О Хрисопольской побѣдѣ узнали Грузины, союзники Варды Фоки, покинули его сына и ушли домой. Самъ Варда Фока, *послѣ того*, велъ долгія сношенія для устраненія патріарха Антіохійскаго и достигъ этого въ началѣ марта 989 г. Именно соображенія со всѣми этими обстоятельствами дали основанія считать временемъ Хрисопольской битвы лѣто 988 г. [2]). Асохикъ указываетъ, что Абидосское сраженіе было въ слѣдующемъ году, послѣ Хрисопольскаго. Васильевскій, приведя это указаніе, замѣчаетъ, что здѣсь считаны мартовскіе годы [6496]; если такъ, то все же Хрисопольское сраженіе не могло быть позже февраля 6495 мартовскаго или 989 январьскаго [3]). Академикъ Ѳ. И. Успенскій полагаетъ, что между этими сраженіями былъ промежутокъ въ нѣсколько мѣсяцевъ и бой подъ Хрисополемъ былъ еще лѣтомъ 988 года [4]). Принимая даже самый поздній срокъ Хрисопольскаго боя, февраль 989 г., этимъ самымъ приходится признать, что вспомогательный отрядъ Руссовъ, для возможности участвовать въ немъ, долженъ былъ прибыть въ Царьградъ не позднѣе конца лѣта 988 г. Была высказана догадка о приходѣ этого отряда въ Царь-

---

1) Голубинскій, *ор. с.*, 150—151; Васильевскій, *Варяго-рус. друж.*, *Ж. Мин. Нар. Пр.*, 1874, *ноябрь*, 123—124.

2) Бар. Розенъ, *ор. с.*, 208, 405.

3) Васильевскій *Вар. рус. др. Ж. М. Н. Пр.*, 1874, *ноябрь*, 122, *примѣч.*

4) Успенскій, *Имп. Болг.*, *Ж. М. Нар. Пр.*, 1884, *апр.* 313—314.

градъ сухимъ путемъ[1]). Мнѣ кажется, что такой военный походъ, шести тысячной дружины, отъ Кіева черезъ степи съ ордами Печенѣговъ и земли враждебной Болгаріи, дѣло невѣроятное, а въ зимнюю пору прямо таки физически невозможное. Значитъ и сухопутный походъ, въ лучшемъ случаѣ, долженъ былъ закончиться тоже не позднѣе конца лѣта 988 года, такъ что и тутъ приходимъ къ тому же выводу. А такъ какъ невозможно допустить, чтобы вспомогательный отрядъ былъ посланъ ранѣе взятія Корсуня, то и послѣднее не могло случиться позднѣе лѣта 988 года. Понятно, что оно немогло быть и замѣтно ранѣе покаяннаго эдикта Василія II отъ 4-го апрѣла того же 988 года. Отсюда видно, что это время, одинаковое съ опредѣленнымъ «Нач. Лѣт.», никакъ не согласуется съ показанными выше предположеніями.

Иное будетъ дѣло, если представить описаніе всѣхъ этихъ событій согласно съ упомянутыми древними писателями, указаніями нашихъ лѣтописей и условіями морскихъ сообщеній въ Черномъ морѣ. Получится возможное и ясное послѣдованіе событій, раскроются причинная ихъ связь и вѣроятныя побужденія для нѣкоторыхъ, напр. взятія Корсуня. Сдѣлаю это возможно кратче.

Жестокое пораженіе, нанесенное Болгарами вблизи Срѣдца, 17-го августа, 986 года, (6494)[2]), молодому царю Василію II, вынудило его самого бѣжать, поставивъ и династію и даже государство въ крайне опасное положеніе. Уже и до того многолѣтнее возстаніе Варды Склира и войны съ Болгарами истощили всѣ силы, приходилось искать помощи на сторонѣ, не останавливаясь передъ выборомъ способовъ. Тогда примѣнили обычное средство—натравливаніе однихъ варваровъ на другихъ. Вѣроятно, вспомнивъ договоръ съ Святославомъ, обязывавшій Руссовъ помогать Грекамъ, отправили къ Владимиру посольство осенью того же года. Показнымъ лицомъ посольства былъ миссіонеръ, для проповѣдыванія Руси христіанства, и это записала «Нач. Лѣт.» подъ тѣмъ же годомъ; о самомъ посольствѣ она ничего не говоритъ, потому что его настоящая

---

1) Васильевскій, *Къ ист.* 976 — 986 г., *Ж. Мин. Нар. Пр.* 1876, *мартъ* 173.

2) Бар. Розенъ, *op. c.*, 21, 190.

цѣль, да и оно само были тайными и не могли быть иными по самому существу дѣла. Это посольство должно было стараться заключить договоръ съ Владимиромъ о присылкѣ вспомогательнаго отряда, для дѣйствія противъ Болгаръ. Что посольство было, это очевидно по смыслу всѣхъ источниковъ, кромѣ прямого показанія «Нач. Лѣт.», вопросъ можетъ быть только о его времени. Несомнѣнно также, что и починъ всего этого дѣла былъ со стороны Грековъ, чѣмъ объясняется и прикровенность, тайна этого посольства, о которомъ ничего не должны были знать, особенно Болгары. Отсюда получается доказательство вѣрности лѣтописнаго показанія и объясненіе его малоопредѣленности. О ходѣ переговоровъ съ этимъ посольствомъ точнаго ничего неизвѣстно, но о ихъ существѣ можно догадываться, если обратить вниманіе на отношеніе сторонъ. Основною чертою переговоровъ должно было быть взаимное недовѣріе. Русь для Грековъ—жестокіе скверноубійцы, звѣрообразные, кровожадные варвары; Греки для Руси—богатые, но коварные, льстивые предатели, способные на все. При такомъ положеніи не легко заключить договоръ, еще труднѣе обезпечить его исполненіе, ибо каждая сторона всего болѣе боялась быть обманутой другой. Набрать на Руси сильную дружину было немудрено, это вопросъ денегъ, за которыми Греки не стояли, но нельзя думать, чтобы дружина согласилась пойти, а Владиміръ отпустилъ бы ее отъ себя такъ просто, на слово, безъ обезпеченія. Владиміръ безспорно былъ человѣкъ государственнаго ума и не возможно мыслить, чтобы онъ отдалъ Грекамъ такую уйму людей, становившихся въ сущности заложниками, безъ равносильнаго возмѣщенія; шесть тысячъ лучшихъ, отборныхъ воиновъ, потому самому и предводительствуемыхъ близкими, вѣроятно, частью родственными Владиміру вождями; есть даже указанія, что онъ самъ велъ эту дружину въ Царьградъ[1]) и если не дошелъ туда, то на то впослѣдствіи явились особыя причины. Деньги въ настоящемъ случаѣ не могли быть соизмѣримой величиной, къ тому же Владиміръ справедливо думалъ, что деньгами дружины не купить [т. е. вѣрной и преданной], а съ дружиной деньги добываются. Пос-

1) Васильевскій, *Къ ист.* 976—986 г., *Ж. Мин. Нар. Пр.*, 1876, *мартъ*, 148—154.

ламъ приходилось кромѣ денежнаго вознагражденія, найти залогъ для размѣна. Такимъ залогомъ и могла быть порфирородная сестра царей. Отсюда становится очевиднымъ, что не Владимиръ домогался руки, царевны, не онъ вѣдь началъ всѣ эти переговоры; на оборотъ, рука царевны была предложена Владимиру послами и хотя источники такой постановки дѣла прямо не утверждаютъ, но она несомнѣнна по самому существу.

Изъ такого положенія вещей слѣдуетъ, что распространенныя объясненія дальнѣйшаго хода событій, въ которыхъ рука порфирородной царевны столь высоко цѣнится, что изъ за нея Греки, въ критическую минуту, все таки обманываютъ важнаго союзника, а Владимиръ идетъ на крайне тяжелый и сомнительный военный походъ,—психологически невѣроятны. Греческіе цари и ихъ послы должны были давно знать на какую жертву рѣшались и, очевидно, не столь уже высоко ее цѣнили, а Владимиръ, самъ не добивавшійся царевны вначалѣ, не могъ и впослѣдствіи цѣнить одно неполученіе ея руки превыше мѣры.

Разумѣется, не обошлось безъ того, чтобы при переговорахъ не оцѣнивались и не понимались политическія стороны этого брака, всѣ выгоды, осуществимыя, однако, только при непремѣнномъ условіи взаимнаго и добровольнаго согласія сторонъ. Передъ Владимиромъ, въ такомъ случаѣ, открывались возможность и всѣ выгоды общенія съ культурными странами. Греки, конечно, напирая на чрезвычайный почетъ такого брака, сознавали, что они устраиваютъ враждебную Болгарамъ силу въ тылу ихъ. Все же политическая сторона была для Владимира второстепенной; нельзя думать, чтобы онъ слишкомъ высоко цѣнилъ нѣчто ему совсѣмъ незнакомое и не вещественное—родство; главнымъ для него дѣломъ было полученіе цѣннаго залога, обезпечивавшаго дружину посылаемую въ далекую, невѣдомую, но притягательную страну, на весьма выгодныхъ условіяхъ.

Какъ бы то ни было, но непремѣннымъ условіемъ, для спасенія видимостей, Греки ставили принятіе Владимиромъ христіанства. Это требованіе, въ своемъ существѣ, не встрѣтило затрудненія, потому ли что Владимиръ считалъ его не значущимъ, или потому что оно было подготовлено многимъ, и внутри, въ родѣ Владимира, и извнѣ, у сосѣдей, теперь это мудрено рѣшить. Ведя переговоры тайно,

въ тоже время Владиміръ благосклонно выслушивалъ и явную проповѣдь миссіонера, отдавая ему предпочтеніе передъ другими, въ мѣру устанавливающихся тайныхъ условій, но все же на предложеніе креститься отвѣчалъ уклончиво, какъ замѣчаетъ «Нач. Лѣт.». Что въ это время у Владимира были представители и иныхъ вѣрованій не только не удивительно, но, такъ сказать, само собой разумѣется, разъ что о прибытіи Грековъ узнали въ Кіевѣ. Уклончивый отвѣтъ Владимира также ни мало не страненъ, онъ прямо показуется, если только допустить то, что именно и было, т. е. что Владиміръ соглашался принять крещеніе, но тайно; понятно, что при этомъ явно онъ могъ говорить лишь уклончиво. На тайномъ крещеніи, конечно настаивалъ Владиміръ, а не Греки, вынужденные уступить; причины этого тоже понятны, они лежали въ неподготовленности дружины и народа и, можетъ быть, еще болѣе въ недовѣріи къ Грекамъ. Надо было начать кому либо исполнять договоръ, это и согласился сдѣлать Владиміръ, но такъ, что всегда могъ отрицать бывшее, благодаря тайнѣ, въ томъ случаѣ если бы Греки съ своей стороны не исполнили обѣщаній, а дружина, обманутая въ своихъ ожиданіяхъ, стала бы «сему смѣятися». Все это было въ самомъ концѣ 986 г. (6494).

«На другое лѣто по крещеніи к порогомъ ходи», сказано въ «Похвалѣ». Отсюда видно, что вслѣдъ за договоромъ, при первой возможности весной, т. е. въ 987 году (6495), Владиміръ повелъ лично набранный отрядъ не потому, чтобы онъ самъ не нашелъ дороги, а вслѣдствіе условленнаго мѣста для размѣна заложниками. Въ устьяхъ Днѣпра онъ давалъ дружину, ему царевну. Вотъ это личное предводительство дружиной назначенной царямъ, вѣроятно и дало поводъ думать, что Владиміръ былъ съ нею подъ Царыградомъ. Численность вспомогательнаго отряда была условлена въ шесть тысячъ человѣкъ [1]), но для охраны Владимира при возвращеніи съ царевной и дарами, нужны были еще силы, думаю около двухъ тысячъ, едва ли болѣе [2]).

---

1) Васильевскій, *Варяго-русск. друж.*, *Ж. Мин. Нар. Пр.*, 1874, *ноябрь*, 221—125, 1875, *мартъ*, 99, 150.

2) Цѣль этого похода въ пороги не указана, она объясняется просто походомъ только на Печенѣговъ, но это прямо не указано и ни изъ чего не видно,

Прійдя въ устье Днѣпра, Владиміръ съ своей стороны отправилъ извѣстительное посольство, что требуется и смысломъ вещей и видно изъ «Нач. Лѣт.», подъ этимъ же 987 годомъ (6495). И это посольство также неизбѣжно должно было имѣть тайную цѣль и прикрывающую ее явную. Тайная—дать знать о прибытіи и, конечно рѣшить окончательно, куда и какъ дѣйствовать отряду; явная — изслѣдованіе вѣры. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ, Владиміръ долженъ былъ понимать, что какъ не сильна его власть, но все же для перемѣны вѣры надобна нѣкоторая подготовка, которую и начали въ видѣ гласнаго отправленія изслѣдователей. Въ этомъ поступкѣ, такъ освѣщенномъ, рѣшительно ничего нѣтъ ни сказочнаго, ни удивительнаго, тѣмъ болѣе, что это ни къ чему не обязывало. Разумѣется, посольство было такъ подобрано и послано съ такимъ внушеніемъ, что заранѣе было извѣстно къ чему оно должно прійти; въ требуемомъ смыслѣ оно и дало отвѣтъ, явно пристрастный въ пользу Грековъ; повидимому оно и было только въ Царьградѣ, а объ остальномъ говорило лишь бы что нибудь сказать, для полноты.

Явный пріемъ этого посольства въ Царьградѣ вполнѣ отвѣчалъ предположеніямъ, ибо его величественность Грекамъ ничего не стоила, но тайные съ ними переговоры, потому и неизвѣстные «Нач. Лѣт.», были неудовлетворительны. Пожалѣли Греки царевну, она ли упорно отказалась, на что прямо ссылаются восточные писатели, просто-ли, и это вѣрнѣе, положеніе вещей улучшилось, но, вмѣсто царевны, прибыли лишь уловки и обѣщанія. Къ лѣту 987 года нападенія Болгаръ нѣсколько притихли, можетъ именно потому что они узнали про готовящійся вспомогательный отрядъ и боялись за свой тылъ, по крайней мѣрѣ о Болгарскихъ дѣйствіяхъ въ эту пору ничего неизвѣстно; значитъ посылать на нихъ Руссовъ не видѣлось прямой надобности; съ другой стороны, тогда

чтобы пороги почему либо были важны для разгрома Печенѣговъ; туда вообще походомъ на нихъ не ходили. Съ другой стороны, отягченіе Руси лодьями и возней съ ихъ перетаскиваніемъ по быстринамъ дѣлало въ этихъ мѣстахъ бой крайне труднымъ, а неожиданность нападенія конникамъ Печенѣгамъ всячески облегчалась, такъ что нельзя думать, чтобы походъ на Печенѣговъ повели туда гдѣ ихъ нѣтъ и въ столь невыгодныхъ условіяхъ; примѣръ Святослава былъ еще у всѣхъ въ свѣжей памяти. Наконецъ, о возвращеніи въ Кіевъ въ этомъ же году не говорится.

всѣ силы Василія направлялись на М. Азію, противъ Варды Склира; его старый соперникъ Варда Фока, мечъ и щитъ царства, съ большимъ войскомъ, подъ тяжкими клятвами, тогда же выступалъ на защиту царей (съ апрѣля 987 г., по арабскимъ источникамъ)[1]). Такимъ образомъ, непремѣнной необходимости въ вспомогательномъ отрядѣ не видѣлось и здѣсь, да и посылать его въ М. Азію было внѣ заключеннаго договора. Какъ бы то ни было, царевну не присылали, а безъ нее Владиміръ не могъ отпустить дружину, если даже этого и желали Греки.

Здѣсь, мнѣ кажется, наступаетъ новый психологическій моментъ. Дружина, конечно, собиралась по повелѣнію князя, но истинно движущей въ ней силой было стремленіе дружинниковъ къ воинской добычѣ, проще говоря, къ военному грабежу. Исконная «и до сего дьне» жажда, съ мрачнаго, голоднаго и холоднаго сѣвера, забраться въ невѣдомыя, но сказочно-прекрасныя страны солнца, золота, вина, шелка, была все тою же и въ тотъ разъ. Мечтая обо всемъ этомъ, ждала дружина, но лѣто проходило, она не двигалась и въ ней все громче и громче слышалось Владиміру «съльстилъ еси нами». И это говорили уже не одни Варяги, которыхъ, когда то, легко было выпроводить изъ своей страны, а вся дружина и въ чужомъ дальнемъ краю. Необходимо было дать недовольнымъ и рощущимъ, и занятіе, и корысть. Тогда дружинѣ, приготовленной на помощь царямъ, Владиміръ бросилъ въ добычу Корсунь, ближайшій, давно извѣстный Руссамъ и предоставленный своимъ силамъ городъ. Надо замѣтить, что о вспомогательномъ отрядѣ, несомнѣнно посланномъ царямъ, не говоритъ даже и намекомъ ни одинъ русскій источникъ и случилось это потому, что тотъ самый отрядъ, который былъ тайно приготовленъ Грекамъ, явно пошелъ на Корсунь, какъ у всѣхъ и показано; его первичная, тайная цѣль такъ и осталась невѣдомой. Допустивъ такую постановку дѣла, кажущуюся мнѣ наиболѣе естественной, никакой сказочности не вижу и въ требованіи Владиміромъ дочери «князя» Корсуня. Надобенъ же былъ предлогъ для нападенія на этотъ городъ, съ которымъ издавна велись сношенія и были какіе то старые счеты; этотъ

---

1) Бар. Розенъ, *ор. с.* 22—23.; Васильевскій. *Къ истор.* 979—986 г., *Ж. Мин. Нар. Пр.*, 1876, *мартъ*, 139.

предлогъ и нашли потребовавъ то, на что заранѣе ожидали отказа, конечно, не одну руку дочери, но съ нею и подчиненія, сдачи города «по дань».

Переговоры съ царями, ожиданіе царевны, не могшей прибыть по морю ранѣе іюня или іюля, наконецъ переговоры съ Корсунемъ, даютъ основаніе считать, что изъ устьевъ Днѣпра Владиміръ вышелъ въ море не ранѣе конца іюля или начала августа. Брать всю дружину, приведенную изъ Кіева было излишне и даже опасно. Предпринимая далекій, не легкій и, быть можетъ, продолжительный военный походъ, приходилось обезпечить сообщеніе съ Днѣпромъ, операціонной базой Владимира. Поэтому я думаю, что подъ Корсунь пошло тысячъ шесть, а остальные стерегли устье Днѣпра. Идя на Корсунь возможно, что надѣялись захватить городъ быстрымъ, почти неожиданнымъ нападеніемъ, но это не удалось и какъ только пришлось прибѣгнуть къ обложенію, то взятіе города изморомъ должно было неизбѣжно затянуться и произошло лишь послѣ очень долгаго времени. Конечно, о нападеніи Руссовъ и осадѣ горожане дали знать царямъ, но оттуда не могло быть помощи, частью вслѣдствіе наступленія осеннихъ непогодъ, а всего болѣе потому, что какъ разъ въ это время, съ половины августа тайно, а съ конца сентября открыто, поднялъ мятежъ Варда Фока, объявивъ себя царемъ и завладѣвъ М. Азіей; въ концѣ года онъ былъ на берегахъ Босфора противъ Царьграда [1]). О Корсунѣ тамъ не приходилось и думать. Счастье и здѣсь служило Владиміру, а можетъ быть и сторонники Варды Фоки его направляли.

Осада города по записямъ русскихъ источниковъ, продолжалась девять мѣсяцевъ, слѣдовательно закончилась, и то предательствомъ, около конца апрѣля 988 г. «На третье лѣто (по крещеніи) взятъ Корсунь», сказано въ «Похвалѣ»; въ этомъ же году показано взятіе Корсуня и въ «Нач. Лѣт.», въ которой лишь та ошибка, что она весь походъ, начатый еще въ 987 году, описала въ годъ взятія города, 988, т. е. 6496.

Владиміръ, взявъ Корсунь, далъ знать о томъ царямъ, требуя царевну и, конечно, крупнаго вознагражденія дружинѣ, особенно въ окупъ за Корсунь, грозя самому Царьграду участью взятаго города. Эта угроза

---

1) Бар. Розенъ, *ор. с.*, 23, *прим.* 156.

кажется теперь простымъ бахвальствомъ зазнавшагося варвара, но не такъ на нее посмотрѣли царьградскіе политики и вступили въ переговоры.

Обыковенно предполагается, что Владиміръ осадилъ Корсунь, имѣя въ виду его взятіемъ къ чему либо принудить царей; оказать на нихъ непреодолимое давленіе въ смыслѣ исполненія договора, завоеванія вѣры, присылки царевны, доставленія священниковъ и наставниковъ, и т. под.; именно взятіемъ города онъ, будто бы, и достигъ какой либо изъ этихъ цѣлей. Мнѣ кажется, что оцѣнка вліянія на политическія соображенія взятія Корсуня учитывается здѣсь неправильно. Едва ли Владиміръ стремился къ чему либо подобному и навѣрно ничего такого не могъ бы достигнуть однимъ взятіемъ города. Угроза взять Корсунь могла, какъ и всякая угроза, оказать большее или меньшее воздѣйствіе на противника, но взятіемъ этого города Руссы никогда не грозили; разъ же что эта угроза осуществлена, ея значеніе самой по себѣ, опять таки какъ и всякой иной, совершенно исчезаетъ. Наступаетъ вліяніе новаго положенія вещей, въ которомъ взятый Корсунь могъ имѣть значеніе для будущаго хода военныхъ операцій и въ смыслѣ возможнаго ущерба царей, какъ географически, такъ и показомъ военнаго могущества Владимира. Понятно, что захватъ столь удаленнаго города, отрѣзаннаго моремъ отъ владѣній царей, въ смыслѣ будущихъ военныхъ операцій не имѣлъ никакого значенія; въ прямомъ же смыслѣ показа военной силы его значеніе было скорѣе отрицательнымъ, такъ долго и невѣжественно провозились варвары подъ небольшимъ, одиноко брошеннымъ на ихъ произволъ городомъ. Послѣ такого военнаго опыта угроза взять Царьградъ могла казаться лишь смѣшною. Царь Василій, перенесшій въ тоже время завоеваніе чуть не половины своихъ европейскихъ владѣній, отпаденіе почти всей М. Азіи, видѣвшій побѣдоносныя войска мятежниковъ на самомъ Босфорѣ, именно тогда писавшій въ эдиктѣ, что онъ не зналъ никакого добра въ жизни, но не осталось никакого рода несчастья, котораго бы онъ не испыталъ[1]) и все же боровшійся не сдаваясь, едва ли могъ почувствовать прибавку горести

1) Бар. Розенъ, *ор. с.*, 23, 193; Васильевскій, *Къ ист.* 976—986 г., *Ж. Мин. Нар. Пр.*, 1876, *мартъ*, 121, 139.

отъ взятія Корсуня. Каково бы не было значеніе Корсуня вообще, но его взятіе въ ту пору, въ смыслѣ вліянія на общую политику царей, было второстепенно, даже прямо таки ничтожно. Изощренные византійскіе политики должны были понимать, что совершившееся взятіе города есть не измѣняемое прошлое: никакими уступками нельзя было вернуть бѣдствій его осады и взятія, а удержать городъ въ своихъ рукахъ, завладѣть имъ навсегда, Владимиръ явно не могъ. Значитъ все это было поправимо въ скоромъ времени, если удержится царство, къ чему и были направлены всѣ ихъ усилія. Отсюда слѣдуетъ, что никакія нежелательныя уступки не могли быть вынуждены у царей однимъ взятіемъ Корсуня. Это мнѣ кажется совершенно очевиднымъ, а если допустить, какъ теперь принято думать, что Корсунь взятъ въ 989 году, т. е. послѣ пораженія Варды Фоки, то побѣдоносный царь на это взятіе едва ли обратилъ бы вниманіе. Правда и въ 989 году были замѣшательства со стороны стараго бунтовщика Варды Склира, съ которымъ цари и вступили въ выгодную для него сдѣлку, но таковая была заключена 11 октября, много позднѣе предположенія самого поздняго срока взятія Корсуня, когда послѣднее было давно учтено обѣими сторонами и вспомогательный отрядъ Руссовъ, при всякихъ предположеніяхъ, находился въ полномъ распоряженіи царей; стало быть между взятіемъ Корсуня и договоромъ съ Вардой Склиромъ нѣтъ причинныхъ связей [1]).

Въ томъ и дѣло, что подъ Корсунемъ счастье продолжало служить Владимиру изумительно, безгранично. Корсунь онъ взялъ годомъ ранѣе, чѣмъ теперь стали думать, т. е. весной 988 года и еслибы этотъ годъ не былъ точно опредѣленъ «Нач. Лѣт.», то его можно было бы угадать. Именно въ минуту взятія города Варда Фока еще стоялъ на Босфорѣ грознымъ побѣдителемъ, владыкой чуть не половины царства, а Василій писалъ покаянные эдикты, и въ Царьградѣ прекрасно понимали, да зналъ это навѣрное и Владимиръ, когда грозилъ, что въ ту минуту мечъ Руссовъ будетъ рѣшать участь не ничтожнаго Корсуня, а всего царства. Бросить этотъ мечъ было одинаково просто, быстро и легко, къ тому же Босфору, какъ въ сторону царей, такъ и Варды Фоки. Отсюда и составилось психологиче-

1) Бар. Розенъ, *ор. с.*, § 2, 212, *особенно* 214—217.

ское значеніе взятія Корсуня въ немъ самомъ вовсе не заключавшееся, и если угодно будетъ признать такое объясненіе, то этимъ самымъ и будетъ дано прочное доказательство отъ разума взятія этого города именно въ весну 988 года, не уступающее хронологическому указанію. Всѣ согласны въ признаніи чрезвычайности политической побѣды Владимира, послѣдовавшей за взятіемъ Корсуня, мѣняются лишь взгляды на причины этой побѣды и установленіе вышесказаннаго служитъ ключемъ къ пониманію возможности угрозъ Владимира; было чего бояться, изъ за чего стараться царямъ, во что бы ни стало, привлечь его на свою сторону. Близкое будущее оправдало такую политику.

Изъ Царьграда попробовали еще поторговаться, на тему принятія христіанства, но Владимиръ съ существомъ этого не спорилъ, а въ подробностяхъ исполненія византійскіе политики вынуждены были уступить въ главнѣйшемъ. Во имя спасенія царей и державы, убѣдили царевну и уже не въ обмѣнъ, а просто на полную волю Владимира, отправили ее въ Корсунь, *ранѣе чѣмъ получили дружину*. Разумѣется, и денежныя субсидіи должны были быть громадны, оплачивая и дружину и взятый ею городъ. Положеніе было таково, что никакія уловки или отсрочиванія не могли примѣняться, пришлось выложить сполна все.

Теперь надобно замѣтить, что всѣ сообщенія южнаго Крыма съ Византіей, искони и до нашихъ дней, всегда шли на перевалъ, черезъ Черное море къ Синопу, а уже оттуда вдоль Анатолійскаго берега. Такъ ходили войска Миѳрадата VI на помощь Херсонесу, такъ шла и послѣдняя турецкая эскадра съ десантомъ въ Крымъ, въ 1774 году; такъ ходятъ и сейчасъ, безпалубныя турецкія кочермы, привозя въ Крымъ такой ничтожный грузъ, какъ дрова или яблоки, и увозя соль, а въ оба конца контрабанду. Причина тому лежитъ въ особенностяхъ морскихъ условій. Перевалъ черезъ море требуетъ времени въ благопріятную погоду не болѣе сутокъ, при чемъ въ серединѣ моря, въ хорошее время, видны оба берега, обстоятельство извѣстное еще Страбону. Затѣмъ, на обоихъ берегахъ, лѣтомъ, дуютъ правильные бризы, днемъ съ моря, ночью съ берега; значитъ, уходя на ночь изъ Крыма къ утру доходятъ почти до половины моря, идя все время попутнымъ бризомъ, а тамъ скоро подхватываются своимъ дневнымъ бризомъ, тоже попутнымъ; вдоль Анатолій-

скаго бѣрега идутъ въ Царьградъ, тѣмъ же бризомъ, въ полвѣтра; обратный путь совершается точно также. Говорю это для поясненія возможной быстроты сообщенія и отсюда слѣдуетъ, что при достаточно благопріятныхъ условіяхъ, лѣтомъ, тогдашнія легкія суда достигали Царьграда въ три-четыре дня, не болѣе. По «Нач. Лѣт.» стороны, послѣ взятія Корсуня, сносились трижды и только въ отвѣтъ по третьему разу прибыла царевна. Со всѣмъ этимъ однако видимо спѣшили: «і посылаше промеж себя скорые послы», сказано въ «Жит. ос. сост.»[1]). Какъ бы то ни было, всѣ эти ссылки заняли, считая съ запасомъ, времени не болѣе четырехъ-пяти недѣль, слѣдовательно царевна, переправляясь въ лучшую пору года, была въ самомъ началѣ іюня въ Корсунѣ.

Такъ какъ спѣшили объ стороны, то крещеніе и вѣнчаніе не затянулось, и тѣже корабли, что привезли царевну со свитой, должны были увезти и вспомогательный отрядъ, который и могъ быть въ Царьградѣ къ началу іюля и даже ранѣе. Этотъ отрядъ, составленный изъ воиновъ бывшихъ подъ Корсунемъ, конечно, тамъ же послѣдовалъ примѣру князя и крестился; онъ былъ пополненъ до шести тысячъ, изъ остававшихся на устьѣ Днѣпра или вновь прибывшихъ изъ Руси. Намекъ на образованіе этого отряда мнѣ видится въ странномъ и иначе необъяснимомъ замѣчаніи «Жит. ос. сост.» и друг., о томъ, что Владиміръ, взявъ Корсунь, не распустилъ полковъ, т. е. не считалъ дѣло конченнымъ и готовилъ дружину къ дальнѣйшимъ боямъ[2]). Отплывъ въ Царьградъ, попавъ, наконецъ, въ страну завѣтныхъ мечтаній, хорошо встрѣченный, какъ прибывшій въ самую критическую минуту, особенно ретивый, какъ всѣ новообращенные, отрядъ служилъ царямъ, новымъ родственникамъ князя, за совѣсть. Въ двухъ бояхъ, въ концѣ лѣта 988 года, подъ Хрисополемъ и 13-го апрѣля 989 года, подъ Абидосомъ, онъ дрался отлично, главнымъ образомъ содѣйствуя разбитію на голову мятежныхъ войскъ Варды Фоки, утвердивъ тѣмъ окончательно царскіе вѣнцы на головахъ Василія и Константина. Вотъ съ какихъ поръ защита легитимизма стала видѣться въ дѣяніяхъ русскихъ людей.

---

1) Шахматовъ, *ор. с.*, 47.
2) Шахматовъ, *ор. с.*, 32, 47.

Отославъ вспомогательный отрядъ и получивъ въ тоже время всяческіе дары и духовенство, Владимиръ, забравъ что хотѣлъ изъ Корсуня, построивъ тамъ церковь, конечно, маленькую, родъ обыденки, съ остальною частью дружины уходилъ въ Кіевъ [1]). Корсунь оставленъ былъ Грекамъ, вѣроятно по договору и, конечно, за большой выкупъ; главная тому причина была въ томъ, что онъ совсѣмъ, ни на что не былъ надобенъ Владимиру, а сохранить его за собою не представлялось никакой возможности. Давая почетное объясненіе, «Нач. Лѣт.» указываетъ, что городъ пошелъ какъ бы въ вѣно царицы.

Только что выше повторено, что въ Корсунѣ было и крещеніе и вѣнчаніе Владимира, какъ то показано въ «Нач. Лѣт.»; не вижу почему бы ей не вѣрить. Тайное крещеніе 986 года никому не было вѣдомо, самъ Владиміръ, очевидно, по его же многократнымъ замѣчаніямъ и выраженіямъ, не придавалъ ему окончательнаго значенія, почему и вновь выражалъ нѣсколько разъ послѣ того желаніе креститься; въ этихъ пожеланіяхъ нѣтъ и противорѣчій, стоитъ только понимать ихъ какъ намѣренія объявить о своемъ крещеніи и, какъ подготовку къ тому окружающихъ. Мало того, что тайное крещеніе никому не было извѣстно, но едва ли Корсунцы, понятно, отъ осады и взятія крѣпко пострадавшіе, видѣвшіе поступокъ Владимира съ ихъ «княземъ» и его семействомъ, а также царевна, при которой тоже Владиміръ «хотя безвѣріе сотворить» [2]),

---

1) «Нач. Лѣт.». передаетъ показаніе очевидца о томъ, гдѣ именно въ Корсунѣ стояли и стоятъ, и эта церковь, и палаты царицы и Владимира, что превосходно подтверждаетъ добросовѣстную точность лѣтописнаго разсказа, повторяющаго прямыя показанія очевидцевъ. Конечно, нѣтъ никакихъ основаній считать эти палаты нарочно построенными, на что даже и времени нельзя было бы сыскать. Просто очистили помѣщенія въ изобиліи находившіяся, часто очень хорошо отдѣланныя, съ мозаичными полами, въ связи со многими церквами и открытыя раскопками въ нѣсколькихъ мѣстахъ.

2) Шахматовъ, *ор. с.* 47. Какъ Владиміръ поступилъ съ взятымъ городомъ въ точности неизвѣстно, но всего вѣроятнѣе, что по праву тогдашнихъ побѣдителей, т. е. безпощадно. Разсказъ о томъ «Жит. ос. сост.», думается мнѣ долженъ быть весьма близкимъ къ правдѣ. Его подтверждаетъ и совершенное молчаніе объ этомъ столь, вообще, освѣдомленной «Нач. Лѣт.»; нельзя же было ей указать разбойныя дѣла Владимира и тутъ же приводить его благочестивыя изреченія. Подробности, указываемыя въ «Никоновской Лѣт.» (стр. 62) о томъ, что будто бы Владиміръ, войдя въ городъ, «укрепи и уласка всѣхъ», явная выдумка позднѣйшаго защитника памяти св. князя.

могли повѣрить, что благодать крещенія коснулась такого грѣшника. Дружина, которую безъ сомнѣнія побуждали креститься, также не легко вѣрила разсказу о давнемъ и тайномъ крещеніи князя и ждала показа. Поэтому я думаю, что Владимира, или торжественно крестили вторично, сочтя первое крещеніе какъ бы никому невѣдомымъ, или устроили ему столь близкое участіе въ крещеніи его приближенныхъ и дружины, что это всѣмъ должно было казаться именно крещеніемъ, которое съ этого времени и стало считаться офиціально. Это объясненіе недостаточно канонично, хотя дѣтей и крестятъ вторично если не точно извѣстно, что они крещены; поэтому возможно данное проф. Малышевскимъ, не только для Владимира, но и для Ольги, а именно, что у нихъ прежде было оглашеніе, а уже затѣмъ, значительно позже и самое крещеніе[1]). Очень немногіе знали и вспоминали первое тайное крещеніе или оглашеніе Владимира, которое хотя и перестало быть тайнымъ, но въ свое время не сопровождалось виднымъ торжествомъ, потому и не запечатлѣлось въ памяти. Однако, слѣды его бытія и счетъ лѣтъ отъ него дошли и до насъ, составляя какъ бы отличіе отъ «Нач. Лѣт.».

Здѣсь у мѣста будетъ сравнить, хронологическія данныя «Нач. Лѣт.», «Похвалы» и другихъ. Въ «Похвалѣ» имѣется немного показаній на время, всего десять и тѣ даны тремя различными системами, что не свидѣтельствуетъ въ пользу ихъ самостоятельности и вѣрности. Прямыхъ годовыхъ чиселъ въ ней только два и такъ какъ оба даны не однимъ годомъ, но мѣсяцемъ и числомъ, то ихъ и должно считать точными: одно, смерть Владимира, 15-го іюля, 1015 г. (6523); другое его единодержавіе въ Кіевѣ, съ 11-го іюня, 978 г. (6486). Оба эти года такіе же и въ «Нач. Лѣт.», въ которой единодержавіе въ Кіевѣ хотя и показано въ 980 году (6488), но это показаніе поправляется самою же «Нач. Лѣт.» тѣмъ, что вся продолжительность времени правленія Владимира исчислена въ 37 лѣтъ, а это будетъ точно только отъ 978 года, а не отъ 980-го[2]).

---

1) Малышевскій, *Ист. Русск. Церкви, рецензія, Отчетъ* о XXIV *присужд. нагр. гр. Уварова*, 35, 50—51.

2) Srkulj, *op. c.*, 247—249; подробно объ этомъ вопросѣ.

Затѣмъ, семь показаній времени въ «Похвалѣ» даны условной системой, отъ какого либо событія, и уже по одному этому легко допускають возможность ошибки, чему способствуетъ и особенность выраженія: на такое то лѣто, послѣ того то, при чемъ первымъ годомъ считается моментъ основного событія. Напр. въ третье лѣто взятъ Корсунь, что можетъ пониматься какъ черезъ два года на третій, т. е. съ промежуткомъ болѣе двухъ лѣтъ, по счету же «Похвалы» это значитъ черезъ годъ на второй, такъ что промежутокъ можетъ быть всего не многимъ болѣе одного года, а потому считающіе тайное крещеніе въ концѣ 987 года или даже въ началѣ 988, все же отсюда выводятъ взятіе Корсуня въ 989 году[1]). Такимъ способомъ въ «Похвалѣ» показывается, что единодержавіе Владимира наступило на восьмое лѣто по смерти его отца Святослава; но Святославъ убитъ весной 973 г. (6481) и слѣдовательно 978-ой годъ будетъ только шестымъ[2]). Эту ошибку полагаютъ исправить ведя счетъ не отъ смерти Святослава, а отъ его послѣдняго похода, передъ которымъ онъ посадилъ въ Кіевѣ Ярополка, а Владимира въ Новгородѣ, но это случилось въ 970 г. (6478) и значитъ единодержавіе окажется на девятое лѣто, какъ по лѣтописи. Выходитъ, какъ ни считай, что здѣсь въ «Похвалѣ» двѣ ошибки, и въ годѣ, и въ существѣ. Далѣе въ «Похвалѣ» имѣется весьма важное показаніе: «Крестижеся князь Володимеръ въ десятое лѣто по убіеніи брата своего Ярополка». Десятое лѣто отъ 978 года будетъ 987 г. (6495) и на этомъ именно показаніи основывается утвержденіе тайнаго крещенія въ концѣ 987 г., а такъ какъ Корсунь взятъ, по той же «Похвалѣ», въ третье лѣто по крещеніи, то это взятіе и считаютъ въ 989 году (6497). Тотъ же годъ крещенія показанъ и въ Несторовомъ «Житіи Бориса и Глѣба». Однако, въ «Нач. Лѣт.» не косвенно, а прямо, числомъ, взятіе Корсуня показано годомъ ранѣе въ 988 г. (6496) и выше приведены данныя для того чтобы считать это показаніе точнымъ и единственно возможнымъ, слѣдовательно тайное крещеніе, примѣняя счетъ «Похвалы» (на

---

1) Завитневичъ, *Владиміръ св.*, 153, 198.

2) Смерть Святослава возможна и въ 972, но ошибка все равно останется. См. Розенъ, *ор. c.* 182; Ламбинъ, Куникъ, Васильевскій, о *годѣ смерти Святослава*, 154, 164, 180.

третье лѣто) было въ 986 г. (6494), а этотъ годъ будетъ не десятымъ, а только девятымъ отъ убіенія Ярополка[1]). Въ Никоновской и Псковской такъ и показано въ девятое лѣто[2]). Возможно, однако, что здѣсь нѣтъ ошибки и показанія, и «Похвалы», и «Житія Бориса» одинаковы съ «Нач. Лѣт.». Все дѣло въ томъ, что неизвѣстно въ точности какими годами вели счетъ, мартовскими или сентябрьскими. Обычно принимаютъ, что мартовскими; хотя и нѣтъ ни одной данной по близости крещенія для повѣрки, но несомнѣнно, что довольно близко въ «Нач. Лѣт.» попадаются показанія и сентябрьскими годами, напр. событія 6524 г., похода Ярослава, а также смерть Ярослава, въ 1054 г. (6562) и другіе, указаны сентябрьскимъ годомъ[3]). Если счесть, что вокругъ крещенія Руси года сентябрьскіе, то показанія и «Похвалы» и «Житія Бориса» будутъ вѣрны и согласны съ «Нач. Лѣт.»; крещеніе бывшее хотя и въ концѣ 986 года (6495 сентябрьскаго и 6494 мартовскаго) но будетъ именно на десятое лѣто по убіеніи Ярополка, т. е. съ лѣта 978 г. (6486 сент. и мартовскаго года). На второе лѣто походъ въ пороги, показанный въ «Похвалѣ», вовсе не отмѣченъ «Нач. Лѣт.», но онъ естественно необходимъ. О взятіи Корсуня въ третье лѣто уже сказано. Въ четвертое лѣто, т. е. въ 989 г. (6497), «Похвала» показываетъ закладку церкви Богородицы, совершенно такъ и въ «Нач. Лѣт.» (*Лавр. спис.*, въ иныхъ иначе, отъ 989 до 991). Въ пятое лѣто основаніе Переяслава, т. е. въ 990 году, а разные списки лѣт. показываютъ отъ 992 до 995, значитъ это что то сомнительное вообще и по всѣмъ вѣроятіямъ ошибочное повсюду. Наконецъ, установленіе десятины показано довольно согласно въ «Нач. Лѣт.» въ 996 г. (6504), а въ «Похвалѣ» на девятое лѣто, что отъ 986 будетъ въ 994, а отъ 987 въ 995, т. е. опять вѣроятна ошибка, какъ ни считать. Десятинная церковь была освящена 11 или 12 мая. Первое, вѣроятнѣйшее, въ день празднованія «обновленія Царьграда», имъ пока-

---

1) Голубинскій, *ор. с.*, I, 130—131, 163. Указавъ эту ошибку «Похвалы» предлагается читать девятое лѣто, но самъ авторъ относитъ крещеніе къ 987 году, т. е. именно на десятое лѣто, такъ что для него тутъ нѣтъ ошибки.

2) Никоновская, I, 25; Псковская, Собр. лѣт. IV, 175.

3) Степановъ, *Таблицы для рѣш. лѣтописн. зад. на время*, *Извѣст. Акад. Н.*, т. XIII, кн. 2, 97—98, 102, 112—113.

заніе «Нач. Лѣт.» не заподозрѣвается [1]). Второе, не имѣя какой либо опредѣленной памяти было, конечно, воскресеньемъ приходившимся на 12 мая въ 995 году (6503); въ такомъ случаѣ показаніе «Нач. Лѣт.» невѣрно и могло бы быть вѣрнымъ показаніе «Похвалы», если бы не противорѣчило согласованію предыдущихъ ея показаній съ крещеніемъ въ 986 году.

Третья система счета въ «Похвалѣ» оказывается въ слѣдующемъ показаніи: «поживе кънязь Владимиръ по святѣмъ крьщении 28 лѣтъ». Здѣсь счетъ ведется уже не на такое то лѣто, а прямо круглымъ числомъ истекшихъ лѣтъ. Владимиръ умеръ 15-го іюля 1015 года, слѣдовательно двадцать восемь лѣтъ исполняются въ точности, считая съ 15 іюля 987 года: съ конца этого года будетъ только двадцать семь съ половиной, а съ конца 986 года двадцать восемь съ половиной. Но «Похвала» считаетъ цѣлыми годами, а такъ какъ по «Сказанію о Борисѣ и Глѣбѣ» видно, что Владимиръ прожилъ по крещеніи болѣе 28 лѣтъ («уже минувшемъ лѣтомъ 28 по святѣмъ крщеніи впаде въ недугъ») [2]), то вѣренъ счетъ именно отъ конца 986 года, какъ считано выше.

Изъ сказаннаго можно усмотрѣть, что показанія «Похвалы», какъ и слѣдовало ожидать, по разнообразію системъ счета, не надежны; значительная ихъ часть (шесть) одинакова съ «Нач. Лѣт.» или можетъ быть подъ нее подведена; остальныя (четыре) явно ошибочны и будутъ таковыми въ 986 или въ 987 году предположить тайное крещеніе.

Изъ Корсуня Владимиръ могъ выйти въ концѣ іюня или началѣ іюля и возвратиться въ Кіевъ не позже конца іюля же, но точное направленіе его пути неизвѣстно. Вѣроятнѣе всего, что онъ прошелъ ближайшимъ и легчайшимъ путемъ, прямо вверхъ по Днѣпру, но возможно думать, если сюда примѣнить Сурожскую легенду, что онъ направился изъ Корсуня черезъ Тмутаракань и Азовское море; только по этому пути царица Анна, упоминаемая въ легендѣ, могла разболѣться на Черной водѣ (теперь рѣчка Кара-су); но можетъ быть въ этой легендѣ идетъ дѣло о

---

1) Голубинскій, *ор. с.*, 181, *прим.*
2) Завитневичъ, *Владимиръ Свят.*, 120.

времени болѣе раннемъ и иной царицѣ [1]). Во всякомъ случаѣ, даже и этимъ путемъ въ началѣ августа всѣ могли быть въ Кіевѣ, гдѣ и крестилась Русь въ то же лѣто. Догадка книжника XVI вѣка о томъ, что Русь крестилась 1-го августа физически оказывается возможной [2]). Могли, однако, и зимовать въ Корсунѣ или въ Тмутараканѣ, на что нѣтъ никакихъ указаній; возвращеніе было бы лишь въ 989 году тогда же и крещеніе, но это не отвѣчаетъ показанію «Нач. Лѣт.».

Въ изложенномъ заключается объясненіе многихъ недоумѣній, а также и указаній восточныхъ писателей, говорящихъ, что царь Василій просилъ помощи у Руссовъ, бывшихъ тогда его врагами. Такъ какъ никакой вражды давно уже не было между Русью и Греками, то это показаніе надобно понимать, какъ относящееся къ войнѣ подъ Корсунемъ; этому соотвѣтствуетъ и указаніе Яхьи о томъ, что Василій вступилъ въ переговоры послѣ того, какъ Варда Фока подошелъ къ Хрисополю, т. е. послѣ конца 987 года [3]), значитъ предварительный договоръ въ Кіевѣ, какъ тайный остался Яхьѣ неизвѣстнымъ. Тотъ же Яхья говоритъ, что крещеніе было позже заключенія договора (впослѣдствіи). Всѣ объясненія этого выраженія, крайне неопредѣленнаго, если въ немъ видѣть продолжительное время, требуютъ посылки вспомогательнаго отряда прежде взятія Корсуня, что явно невѣроятно и къ тому же, допуская это, приходится оставить безъ объясненія весьма странное обстоятельство, а именно обращеніе за помощью къ врагу. Это «впослѣдствіи» можетъ объясниться, если предположить, что Яхьѣ были извѣстны какія либо неопредѣленныя слухи о тайномъ договорѣ 986 года, въ отношеніи кото-

---

1) Васильевскій, *Жит. свв. Георгія Амастр. и Стеф. Сур.* СССП—СССПІ; Голубинскій, *ор. с.* I, 55. Во время долгаго стоянія подъ Корсунемъ не только возможны, но прямо неизбѣжны болѣе или менѣе далекіе поиски отдѣльныхъ отрядовъ Руссовъ, для всякой добычи, особенно продовольствія. Одинъ изъ такихъ отрядовъ, съ которымъ могъ быть самъ Владиміръ или кто-либо изъ крупныхъ вождей, пройдя вдоль всего побережья «плѣни отъ Корсуня и до Корча»; тогда могъ быть взятъ и Сурожъ, при условіяхъ давшихъ канву для легенды.

2) Голубинскій, *Обр. Руси въ Христ., Ж. Мин. Нар. Пр.*, 1877, *мартъ*, 121, *примѣч.*

3) Бар. Розенъ, *ор. с.*, 197—198.

раго крещеніе въ Корсунѣ и будетъ впослѣдствіи, а обращеніе къ врагамъ останется относящимся къ переговорамъ по взятіи Корсуня.

Выше представленное теченіе событій соотвѣтствуетъ, насколько мнѣ кажется, свѣдѣніямъ о томъ, не только чужеземныхъ писателей, но и нашихъ лѣтописныхъ показаній, а сама осада Корсуня обставлена «Нач. Лѣт.» столь тонкими, ясными и точными по мѣстнымъ условіямъ подробностями, что видѣть въ нихъ вымыселъ нѣтъ возможности. Даже и года такъ близко и хорошо сходятся, какъ только возможно при сравненіи столь различныхъ системъ счета. Нѣкоторыя, очень немногія, указанія времени, явно несогласованныя, таковыми и остались, что будетъ, впрочемъ, при какихъ бы то ни было предположеніяхъ.

Есть только одно показаніе, которому придавали очень большее и даже рѣшающее значеніе, совершенно не подходящее ко всѣмъ вышеизложеннымъ соображеніямъ и числамъ. Это показаніе Льва Діакона, не хронологическое и случайное, лишь истолкованное нашими учеными. По этимъ послѣднимъ толкованіямъ, съ приложеніемъ хронологіи арабскихъ писателей, выходитъ, что Корсунь былъ взятъ въ 989 году, между апрѣлемъ и іюлемъ, годомъ позже, чѣмъ по «Нач. Лѣт.» и чѣмъ то возможно полагать по логикѣ событій [1]). Никакого объясненія этому нельзя подобрать, кромѣ того, что случайное, вздорное въ своемъ существѣ, показаніе Льва Діакона и въ хронологическомъ отношеніи также мало заслуживаетъ довѣрія, какъ и въ своемъ смыслѣ. Нелѣпая вѣра въ небесныя знаменія, предвѣщанія, сны, предчувствія, главнымъ образомъ зиждется на самообманѣ. Ея большимъ приверженцемъ былъ Левъ Діаконъ, почитавшій себя особеннымъ знатокомъ въ толкованіи такихъ знаменій. Въ подобныхъ случаяхъ, вѣрующіе всячески тщаться подогнать событія согласно ихъ вѣры и не замѣтно для себя ошибаются. Также было и въ настоящемъ случаѣ. Корсунь взятъ дѣйствительно въ апрѣлѣ, но только годомъ ранѣе, а паденіе Верріи, предуказанное по Льву Діакону тѣмъ же знаменіемъ, произошло неизвѣстно когда, но кажется тоже не въ то время. Самая чрезвычайная важность предсказанныхъ событій теперь

---

1) Васильевскій, *Къ ист. 976—986 г. Ж. Мин. Нар. Пр.*, 156—157; Бар. Розенъ, *ор. с.*, 214—217.

трудно понимается. Чѣмъ было взятіе Корсуня говорено выше, а Веррія, надо думать была ничтожной крѣпостцой, судя потому, что Василій, отнявъ ее въ 991 году, просто ее срылъ, чего не дѣлаютъ съ важнымъ мѣстомъ [1]). Какъ бы то ни было показаніе Льва Діакона совершенно не согласуется не то что съ какими-либо несущественными подробностями, а съ самымъ основнымъ смысломъ всѣхъ событій, разсматриваемыхъ здѣсь; о нихъ, впрочемъ, у Льва Діакона нѣтъ и малѣйшаго намека. Допуская вѣрность единственной сдѣланной имъ замѣтки, приходится допустить вмѣстѣ съ тѣмъ, или отправку на помощь царямъ отряда и въ тоже время веденіе войны съ ними же, или обращеніе этой войны въ заранѣе условленную шутку, или возвращеніе отряда на время осады и вторичную его посылку, или морскіе походы зимой и взятіе Корсуня однимъ мановеніемъ. Всѣ эти предположенія трудно мыслимы и все таки оставляютъ, будучи сдѣланными, много разныхъ обстоятельствъ внѣ возможности объясненія.

Мнѣ кажется, что такое крайне сомнительное, одиночное показаніе, никоимъ образомъ не можетъ заслуживать бо́льшаго довѣрія, чѣмъ подробныя, многочисленныя, во многомъ безусловно точныя показанія нашихъ лѣтописей. Да это и понятно. Льву Діакону не хотѣлось разсказывать или даже желалось скрыть все бывшее вокругъ крещенія Руси. Наши лѣтописцы и хотѣли и должны были говорить о важнѣйшемъ въ ту пору военномъ событіи, первомъ на государственной памяти Руси,—взятіи сильнаго, укрѣпленнаго города, культурной страны, а затѣмъ о неисчислимомъ по своему значенію, крещеніи ихъ отечества. Можно было спутать, даже забыть многое вокругъ крещенія, при всемъ желаніи сказать вѣрно и полно; это было дѣло покрытое въ значительной мѣрѣ дипломатической тайной и во всякомъ случаѣ мало извѣстное, не народное, представлявшееся лишь простымъ исполненіемъ повелѣній власти, въ ихъ существѣ мало понятныхъ; все это такъ и осталось сомнительнымъ въ подробностяхъ. Иное дѣло взятіе Корсуня; это былъ первый военный подвигъ Руси въ смыслѣ покоренія сильной крѣпости могущественнаго

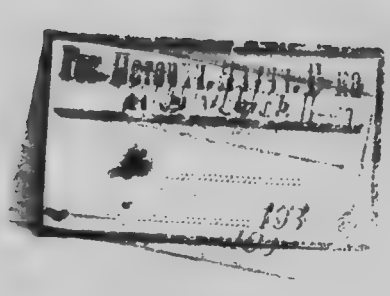
---

1) Бар. Розенъ, *ор. с.*, 28, 228; Васильевскій, *Къ ист.* 976—986 г., *Ж. Мин. Нар. Пр.*, 1876, *мартъ*, 141.

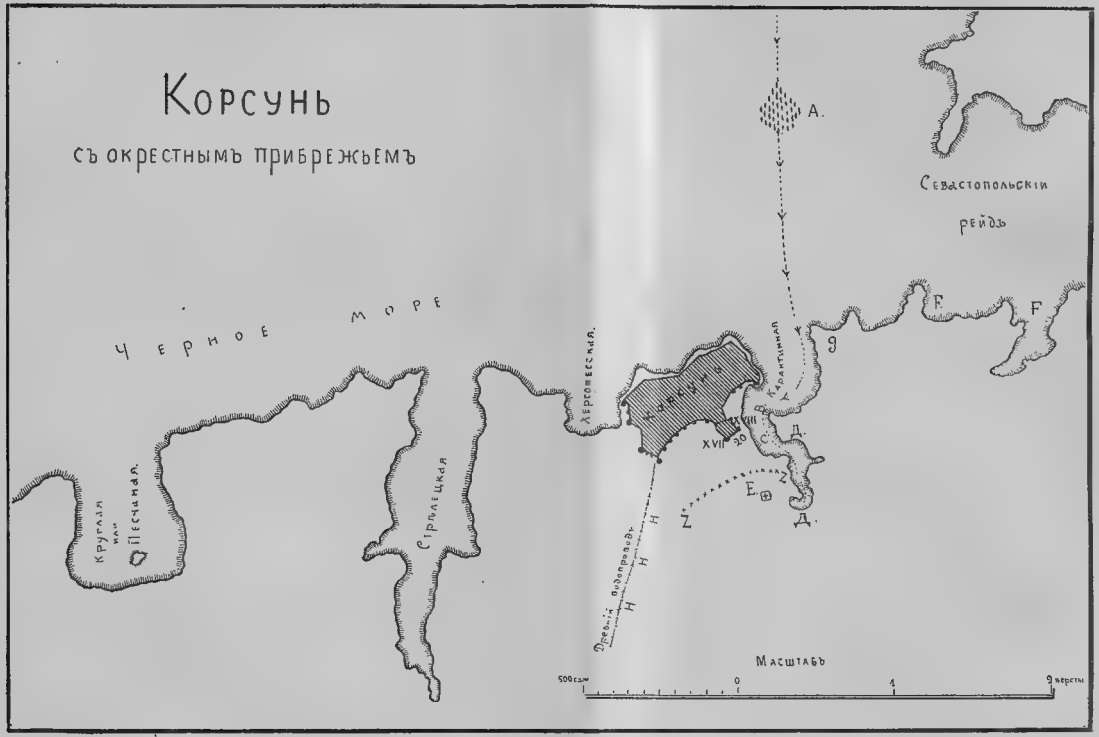
царства, всѣмъ извѣстный и понятный во всѣхъ его частяхъ. Воинственная дружина, добывшая своему князю славу и сказочную, заморскую царевну, себѣ самой честь и выгоду, знала весь походъ и гордилась имъ. Подробности славнаго взятія не только не составляли тайны но всѣмъ разсказывались и повторялись, а потому и должны были стать общеизвѣстными; ихъ забвеніе было бы невѣроятно. И дѣйствительно мы видимъ, что тщившіеся быть правдивыми лѣтописцы сохранили намъ не выдуманныя сказки, а истинную, правдивую исторію осады Корсуня, славнѣйшаго подвига ихъ дѣдовъ.

А. Бертье-Делагардъ.

Декабрь 1908 года.
Г. Ялта.



А. Бертье-Делагардъ. Какъ Владимиръ осаждалъ Корсунь.



КОПИРОВАНИЕ
01.06.04

КОПИРОВАНИЕ
6.10.04.

КОПИРОВАНИЕ
20.10.04.